

АДА ДЕЛЛА ТОРРЕ

Ошибки родителей

АДА ДЕЛЛА ТОРРЕ

Ошибки родителей

Второе издание

Перевод с итальянского
Е. Г. Молочковской

Послесловие доктора педагогических наук
Ю. П. Азарова

Москва

Издательская группа «Прогресс»

«Универс»

1993

ББК 74.9
Т 61

Редактор *Н. Парамонова*
Художник *В. Суриков*

Торре Делла А.

Т 61 Ошибки родителей. Пер. с итал./Послесл. Ю. Азарова. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 1993. — 136 с. с ил.

Итальянский педагог Ада Делла Торре рассматривает сложную и актуальную проблему воспитания детей в семье, приводит много интересных наблюдений, фактов, жизненных ситуаций, с которыми повседневно сталкиваются родители. Выдвигая на первый план воспитание гуманизма, автор размышляет и предлагает читателю задуматься над возможным результатом воспитательной работы.

Т $\frac{4311000000-033}{006(01)-93}$ без объявления ББК 74.9

Издательская фирма «Универс»

© Перевод на русский язык и послесловие
Издательская группа
«Прогресс», 1993

ISBN 5-01-0041-09-X

ВВЕДЕНИЕ

Приходится признать, что по разным причинам мы порой совершаем в воспитании детей ошибки, как мелкие, так и крупные. Только одни из нас осознают свои промахи и пытаются по возможности исправить их, другие, загипнотизированные собственной непогрешимостью, категорически отвергают мысль, что могут поступить неправильно. Повседневные материнские заботы и профессия учительницы обогатили меня опытом и наблюдениями семейной жизни, заставили сделать поучительные сопоставления, пересмотреть некоторые проблемы. Я попыталась разобрать и проиллюстрировать типичные ошибки и ситуации, представляющие интерес для родителей.

Анализ мой не исчерпывает всех случаев, примеры порой произвольны — это результат того, что я опираюсь на личный опыт. К тому же нет одинаковых семей, нет одинаковых детей, даже если они близнецы, нет одинаковых обстоятельств, хотя они порой и кажутся таковыми.

Мне хотелось обратить внимание на то, что к ошибочным действиям нас часто приводит неспособность к самокритике. Тот, кто полагает, будто его собственное воспитание закончено, дескать, какое есть, такое есть, обойдется, — не станет хорошим воспитателем. Известно, что никогда не поздно пересмотреть свои позиции и заняться самосовершенствованием.

Согласиться с этим — значит осознать свою несостоятельность в деле воспитания и честно по-

пытаться ликвидировать эту своего рода малограмотность, присматриваясь к процессу развития детей, продолжая расти вместе с ними. Конечно, приходится призвать на помощь все силы, ведь стремительно пролетающие годы сами по себе значительно снижают нашу возможность развиваться.

Воспитание детей — лучший способ воспитать себя. Когда мы шагаем по жизни рука об руку с ними, смотрим на окружающее их юными глазами, повседневные, бесцветные, с нашей точки зрения, события и предметы открываются нам в неожиданных аспектах и поразительной глубине. Самовоспитание обогащает нас, помогает свести до минимума промахи.

Темы, которые я предлагаю, были затронуты в серии статей, опубликованных в "Газете для родителей", и вызвали интерес читателей; родители писали письма, то соглашаясь, то полемизируя, выражали желание внести ясность в некоторые проблемы, — все это навело меня на мысль расширить тематику статей, органично связать их между собой, свести в единое целое.

1. Традиционализм

ПРЕВЫШЕНИЕ ВЛАСТИ

Любовь детей к родителям

Это самая сильная любовь на свете. Считается, что родительская любовь священна, благородна, бескорыстна, но достаточно ежедневных наблюдений, чтобы заметить, насколько детская любовь совершеннее родительской. Это счастливая, неудержимая, безбрежная и безоблачная любовь, преисполненная доверчивого обожания и веры в совершенство любимого существа. Я имею в виду малышей, еще не отягощенных личным опытом. Для них мир изобилует восхитительными осязаемыми вещами и населен полубогами-родителями, которые кормят, согревают, лелеют, учат, преодолевают любые трудности, вылечивают, устраняют острые углы, предотвращают падение, поощряют и наказывают, даже порицают и шлепают предмет, о который ты ударился.

Это поразительное доверие непоколебимо, пока его не предаст кто-нибудь из взрослых, и ребенок этого не заметит. Здесь-то нас и подстерегает опасность! Результат проявляется не сразу, симптомы его различны: малыш не радуется приходу взрослого, как прежде, напротив, у него портится настроение, он прячется, становится робким, а то и пугливым. Мы замечаем первую, хотя и незначительную ложь — следствие непонятого или несправедливого наказания. И не успеешь оглянуться, как первый секрет доверен не родителям, а сверстнику: ребенок уже знает из горького опыта, что родители не деликатны, могут его высмеять.

У детей подобные изменения накапливаются исподволь, порой неосознанно, хотя случаются и горькие открытия, разочарования, когда, например, выясняется, что взрослые скандальны, склочны, злословят о людях.

Ребенок разбирается в этом значительно раньше и глубже, чем принято думать, и переживает сильнее, чем мы предполагаем, хотя считается, что он еще слишком мал и ничего не понимает. Лишь только ребенок, по мнению родителей, достигает возраста, когда начинает прислушиваться к речам взрослых, как наготове пагубные, стереотипные фразы: "Детям не положено слушать разговоры взрослых...", "Это не для детских ушей...", "Выйди, нам с папой нужно поговорить..."

В маленькую головку закрадывается тень сомнения, пока еще только тень (но как она ранит!) — его присутствие тягостно, утомительно. В памяти всплывают другие фразы, которые он раньше пропускал мимо ушей: "Нет, я не могу, мне не с кем оставить детей", "До чего же я устала от этих детей, сил нет!", "Когда не было детей, я могла себе это позволить..."

Родители — главное действующее лицо

Слишком часто в присутствии детей произносятся преувеличенно мелодраматические фразы, из-за которых у ребят складывается впечатление, что они — обуза, они — в тягость. Вероятно, в этом причина детской боязни быть покинутыми. Я видела, как школьница обливалась слезами потому, что после уроков ее не встретили родители, и наблюдала детей, которые в конце пикника так поспешно кидались в машину, словно взрослые и впрямь могли бросить

их в чистом поле.

Нет необходимости перебарщивать: беспрестанно контролировать себя, взвешивать каждое слово, каждый жест. Важно, чтобы дети чувствовали: их присутствие в доме создает атмосферу счастья. Дети, живущие в такой солнечной обстановке, как правило, не прислушиваются к разговорам отца с матерью и раздражаются смехом на жалобы родителей. Они уверены — это для красного словца или результат мимолетного плохого настроения, все равно ничто не может омрачить радости, которую вносят в семейную жизнь они, дети. Но когда в поведении родителей сквозит беспокойство, неуравновешенность, нервозность, словом, когда улыбка в доме — редкость, тогда ребенок страдает, он чувствует себя виноватым, что живет на свете. Подорвана основа, на которой зиждется его доверчивость, его оптимизм.

Озабоченные, угрюмые родители, безусловно, любят своих детей, но тем не менее убеждены, что именно они, родители, главное действующее лицо семейной жизни, и ведут себя соответственно. Складывается впечатление, что они не выросли, не избавились от детского и подросткового эгоцентризма, хотя безнадежно утратили юношескую непосредственность. Для них ребенок — второстепенный персонаж. Даже если они балуют его и до назойливости заботятся о нем, все равно для них он — существо, которое не должно надоедать, прислушиваться к их разговорам, удерживать дома и мешать отдыху.

Превышение власти

Превышение власти — традиция, и слишком многие родители — ее рабы. Правда, они это отвергают, жалуются, что дети поступают как им

вздумается, даже не спрашивая разрешения. Достаточно оглянуться вокруг, сетуют они, чтобы заметить, насколько большей свободой пользуются современные дети в сравнении с предыдущим поколением, насколько теперешние родители заметнее балуют их карманными деньгами и т. д.

Иначе быть и не может, мы ведь тоже больше развлекаемся, чем в свое время наши родители, тратим соответственно больше, чем они, если нам это по карману. Образ жизни изменился для всех, включая детей, однако отношения между родителями и детьми — в рамках более разнообразного, независимого образа жизни — остались неизменными. Сегодня так же, как и сорок, и сто лет назад, родители используют свой авторитет как признак превосходства над детьми, как орудие насилия.

Именем этого авторитета допускают с детьми самую грубую бестактность, отчитывая их в присутствии чужих людей, хвастаясь их успехами в школе, ругая их друзей, что приводит в смущение как собеседников, так и детей. Взрослые говорят языком намеков, якобы непонятных детям, упоминают о секретных событиях, из которых дети исключены, возбуждая тем самым их любопытство и озлобление. Все эти проявления крайней невоспитанности родители не позволили бы себе ни в каком другом обществе, кроме столь "низкосортного", видимо по их мнению, как общество собственных детей.

Превышая свою власть, взрослые определяют, что может и должно интересовать ребенка, разрешают и безапелляционно запрещают, не спросив мнения своего маленького "вассала".

Часто почти пренебрегают условиями, необходимыми для учебы, игр, отдыха детей. Мы наблюдаем родителей-спортсменов, которые таскают с собой малышей на турбазы, в примитивные

хижины. Там взрослые наслаждаются парным молоком, спальными мешками, а малыши в силу возрастной привязанности к дому и строгому режиму чувствуют себя потерянными.

Некоторые матери беспрестанно отрывают ребенка от его занятий, дают ему задания и поручения по хозяйству таким тоном, словно само собой разумеется, что это несравненно важнее учебы, не говоря уже об играх. Игры по традиции считаются несерьезным делом, а если им предаются подолгу, да еще шумно — достойным порицания. Многие из нас претендуют на то, чтобы мальчики, играя, не запачкались, сохранили одежду в полном порядке, не порвали ее. Эти родители забыли свое детство, желание возиться в песке, валяться на траве, шлепать по лужам. Кто из детей способен долго помнить, что нынче праздник и мама его нарядно одела? Таким родителям невдомек, что мальчики-чистюли и послушные девочки, которые дрожат над своей прической, может быть, вступают на путь раболепства перед чужим мнением.

Положительные и отрицательные стороны традиции

Естественно, нельзя целиком отрицать значение традиции — багажа привычек и воспоминаний, который повлиял на наше мировоззрение. Нельзя забывать, что традиция — компонент нашего воспитания и ей мы обязаны некоторыми своими достоинствами. Даже если система, по которой нас воспитывали, и прежние семейные устои не годятся для современных детей и современного образа жизни, они не теряют своего исторического значения, придают прошлому трогательную поэтичность.

Ошибка традиционализма состоит вовсе не в том, что признают традицию, а в том, что становятся ее рабами, пытаются навязать ее своей нынешней семье, повторить почти один к одному ту атмосферу, которую ничто не способно возродить.

Длительная приверженность к привычкам мешает разумно проанализировать традицию, отнестись к ней критически, и тогда принимают все: и тугое пеленание новорожденных (до сих пор многие матери грешат этим!), и соблюдение невероятных суеверий, и неуважение к личности ребенка, что полностью противоречит нами же декларируемым принципам. Такое положение препятствует формированию единственно ценной для наших детей традиции, той, что складывается в повседневной семейной жизни, — определенным образом накрытый стол, меню, принятое в доме (пусть даже не такое изысканное, каким гордилась бабушка), размеренный ритм, обусловленный работой, разговоры на темы, которые во времена нашего детства были немыслимы.

У передовых, современных людей нередко в укладе семейной жизни сохраняется устаревшая нединамичная система. Те самые граждане, которые напряженно борются за социальный прогресс и обновление общества, в роли авторитетных родителей частенько являют собой пример печального противоречия.

СЕМЕЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Родительская власть

Что это за власть? Откуда она берется? Какое учреждение нам ее предоставляет? Разумеется, никакого — родителей не выбирают. Здесь держит-

ся форма абсолютизма, которую, наверное, никогда не упразднят. И тем не менее она не очень вредна — власть мы должны осуществлять, поскольку дети от нас этого ждут, и им пришлось бы не по вкусу, если бы мы отказались от нее и не обеспечили им надежной, спокойной жизни. Они, особенно малыши, чувствовали бы себя растерянными без поддержки авторитетной власти, которая разрешает и запрещает; их способ избрания состоит именно в том, что они признают законность нашей власти.

Мы приступаем к исполнению своих обязанностей с появления ребенка на свет и по мере того, как он растет, делаем это все более осознанно: руководим им, решаем за него, поскольку он часто становится в тупик перед выбором. Известно, что детям трудно решать самим, даже если они строптивы и как будто не расположены прислушиваться ни к чьему мнению (возможно, это проявление слабости воли, желания во что бы то ни стало самоутвердиться). Здравый смысл подсказывает, что с возрастом необходимо предоставлять детям возможность принимать все более серьезные решения, брать на себя все большую ответственность. Это предполагает глубокое знание своих детей и их склонностей, что само по себе большое достоинство. Немногие родители наделены подобной добродетелью. Я надеялась, что отношусь именно к ним, но факты это опровергли.

Оставалось два свободных дня каникул, и Тонино с Альберто решили провести их в Генуе, у тети. Им тогда было по двенадцать лет, и они уже давно были приучены путешествовать самостоятельно. Но Альберто заболел, и ему пришлось отказаться от поездки. Тонино сказал, что поедет один. Я решила не противоречить ему, опасаясь, что это вызовет противодействие,

и взяла на себя роль дальновидной матери, которая ловко убеждает методом от противного:

— Конечно, поезжай, раз решил!

И спустя некоторое время:

— Скажи, ты не будешь скучать без Альберто? Придется тебе поехать курьерским в семь утра.

— Но почему, мама? Я могу поехать двенадцатичасовым.

— Нет, двенадцатичасовой с пересадкой, меня не устраивает, чтобы ты слонялся один на вокзале.

— Хорошо, мама, я поеду семичасовым.

Потом я снова взялась за него:

— И к чему вставать в такую рань во время каникул, когда можно было бы выспаться...

Естественно, я не замечала собственной жестокости. Тонино погрузился:

— Ну так как же, мама, ехать мне?

Я ответила:

— Поступай как знаешь, я уже сказала.

И вдруг совершенно неожиданно Тонино расплакался. Тогда я поняла, что отравила ему радость. Сердце у меня сжалось:

— Поезжай, поезжай, теперь уж я настаиваю, и поезжай двенадцатичасовым!

Но грусть и растерянность сына не прошли, пока не вернулся домой муж, который сразу правильно оценил обстановку.

— Неужели ты не догадалась, — сказал он мне, — у Тонино нет никакого желания ехать одному в Геную и он хочет, чтобы ему это запретили.

И тут же обратился к сыну:

— Ты же отлично понимаешь, что ехать завтра — явная глупость, вы оба будете скучать, он — здесь, ты — там. Это не годится. Я тебе запрещаю.

Тонино сразу же повеселел и больше об этом

не думал. Позднее он признался, что забыл этот эпизод. Но я его запомнила навсегда. Правильно используя свою власть, мы становимся похожи на тех родителей, которых дети выбрали бы, если могли. Перейдем теперь к другим аспектам семейной демократии — к правам, которые она гарантирует.

Свобода слова и свобода собраний

В некоторых семьях детям не только предоставляют свободу слова, но и стимулируют ее. Наказание по этому поводу — редкость и продиктовано абсолютной необходимостью, привычная же практика — это беседа, убеждение, дискуссия.

В связи с этим одна мать мне написала: "Нельзя ли сделать что-нибудь, чтобы защитить родительскую свободу слова? Если мы равноправны, то почему бы и нам не вставить словечко в разговор за столом?"

Что я могу сказать? Хорошо воспитать детей — значит выработать у них привычку учитывать, что у окружающих равные с тобой права, что следует руководствоваться непреклонным принципом, общим как для взрослых, так и для детей: "Веди себя как хочешь, но не злоупотребляй своей свободой, не используй ее во вред другим".

При наличии доброй воли и взрослые, и дети могут научиться регулировать свое поведение, следить, чтобы оно не было слишком шумным. Правда, в нашем доме такой эксперимент не удался. Но все-таки, когда я становлюсь свидетелем бурных разговоров за столом, споров о том, чья очередь принести воду или фрукты,

я вспоминаю рассказы моей матери о ее далеком детстве, о продолжительных, безмолвных трапезах, во время которых она и ее девять братьев не имели права ни разговаривать, ни обращаться к родителям, и прихожу к выводу, что порой стоит примириться с некоторой шумливостью ради равноправия детей.

Право на свободу собраний дети рьяно отстаивают, оно осуществляется в тех семьях, где друзья могут свободно приходить в гости. Допускаю, что это обременительно, особенно когда их много. Само собой разумеется, что перед уходом они все должны помочь убрать комнату, но, конечно, нельзя забывать, что дом, куда приходит много детей, не будет в идеальном порядке, и это естественно.

Ребята нашего и соседних домов собирались у нас, и я как-то не очень настойчиво предложила установить очередность. Поговорила со своей самой близкой подругой, которая постоянно присутствовала на этих сборищах.

— Может быть, ты будешь принимать их у себя, скажем, раз в три дня?

— Исключено,— ответила она,— в моем доме нельзя устраивать беспорядок.

— Прекрасно,— защищалась я,— если хочешь знать, и в моем тоже!

— Нет, в твоём можно,— возразила она.

Я оглянулась вокруг и поняла, что правда на ее стороне, у меня нет оснований возражать. Признаюсь, несмотря на очевидную несправедливость ситуации, я почувствовала прилив гордости, который всегда поддерживает меня при виде девственно чистых занавесок и до блеска натертых полов чужих квартир, где я почти стесняюсь наших изрисованных каракулями стен, своего недостаточного усердия хозяйки. Но как не гордиться домом, куда ребята приходят охотно, где

чувствуют себя непринужденно, где их не стесняют взрослые?

Свобода мнения

Мы часто декларируем, что предоставляем своим детям полную свободу мнения. Но если вдуматься, мы допускаем это при одной существенной оговорке: их мнение не должно слишком отличаться от нашего. Стоит нам заметить, что их мысли — отражение и переосмысление идей, почерпнутых в незнакомых нам книгах и в беседах с самоуверенными друзьями-резонерами, с которыми они гуляют часами, как мы всем своим видом словно говорим снисходительно: "Это не твоего ума дело!", а порой и произносим эту фразу вслух.

По причине неразумной неприязни к тем кругам, где мнение детей сформировалось, или по более существенным причинам наше несогласие с их точкой зрения редко становится темой плодотворного обсуждения. Даже если мы читаем специальную литературу и в курсе различных направлений педагогики, мы часто забываем о свободе мнения, как только ребенок выскажет суждение, не соответствующее нашим установкам. И тогда сыплются обвинения: "Не говори глупостей!", "Думаешь, ты умнее нас?", "Пренебрегаешь нашим опытом?" и т. д. Мы впадаем в привычный поучающий тон, аргументируем поговорками о положительном родительском опыте. Но давайте однажды признаем, что наш опыт для ребенка ничто в сравнении с тем, что он приобретает сам, действуя по-своему, по-новому, с его точки зрения, правильно! Предпосылка свободы мнения — в уважении к чужому мнению. У мальчишки, который замечает, что его суждением не пренебрегают, хотя и отвергают его в результате

непредвзятой дискуссии, развивается раскованное, активное мышление, недоступное ребенку, запуганному нескончаемым одергиванием и порицанием. Пример тому — воспитанный и застенчивый Роберто, с которым мы общаемся летом на взморье. Мальчик добр, симпатичен, явно талантлив в играх. А в школе он не блистает.

— Всему виной застенчивость, — объясняет мать, — и все потому, что муж его одергивает, называет медлительным, вечно затыкает рот — "Не твоего ума дело!" — никогда не даст ему высказать свое мнение.

Потянуло прохладой.

— Будет дождь, — замечаю я.

— Нет, синьора, — возражает Роберто, — туч немного, и они скоро разойдутся.

И сразу же вступает мать:

— Ты-то тут при чем? Синьора говорит, что будет дождь... Нет, он непременно должен вставить свое слово!

Я рассказала о Роберто, чтобы представить его, он еще будет фигурировать на этих страницах.

Свобода печати

Очевидно, проблемы печати в семье не существует. Есть ребята — любители рисовать и писать, они заполняют лист за листом рисунками с надписями, порой не лишенными достоинств, и никто из родителей не думает мешать им в этом. Зато возникает проблема, можно ли читать определенные книги, смотреть некоторые спектакли. Мы разрешаем или запрещаем это, руководствуясь нередко весьма спорными критериями.

Я нахожу, что в таком случае лучше всего

обсудить тему вместе с детьми, приучая их к оценке собственных достоинств и недостатков в связи с прочитанной книгой, просмотренными фильмами или телепередачами. Наша позиция, естественно, должна корректироваться в соответствии с возрастом ребенка. В общении с малышами, скажем, желательно использовать свой авторитет для запрета. Но ничего не навязывать! Какое у нас право претендовать, чтобы им нравились те же книги, что и нам? В запретах необходимо соблюдать осмотрительность, не злоупотреблять субъективностью — наши и их вкусы настолько различны, что нам порой трудно читать то, чем зачитываются они. Мы в свое время с негодованием отвергли появление комиксов, осудили упрощенность картинок и диалогов, считали, что они заглушают фантазию, способность к мышлению, жажду чтения, мы даже частично отнесли на счет комиксов рост детской преступности. Мы не хотели видеть их в своем доме, лишая детей невинного и порой полезного развлечения. Понадобилось немало времени, чтобы оценить достойный уровень некоторых изданий, элементы юмора, столь редко встречающиеся в детской литературе, красоту некоторых рисунков. Теперь и мы "заразились", нередко дома возникает спор, кто будет первым читать комикс, взрослые или дети. Случается наблюдать в поезде или гостинице солидных взрослых, которые жадно засматриваются на кипу детских журнальчиков и агрессивно завладевают ими после реплики "Разрешить?" или "Когда прочтешь, дашь посмотреть?".

По мере взросления детей выслушивать их мнение особенно полезно. Они, например, должны представлять себе, что такое последняя мировая война, что такое фашизм и нацизм; тем не менее многие дети избегают таких разговоров.

Либо они впечатлительны и не могут спокойно воспринять заключенные в этих понятиях зло и жестокость (и все равно не следует в разговоре с ними умалчивать некоторые истины и пытаться представить историю подслащенной, а следовательно, фальсифицированной), либо по инфантильности избегают осознания реальных фактов и вытекающей из этого необходимости высказать собственное суждение, занять определенную позицию. Или попросту им это скучно. В таком случае бесполезны попытки убедить, остается запастись терпением и помочь вашему ребенку повзреть.

Что касается сексуальных тем, если книга хорошая и ребенок получил адекватное воспитание, я не вижу причин, почему эту книгу нужно отторгнуть от других взрослых книг, которые мы ему разрешаем читать.

Единственное, что мы обязаны осуществлять регулярно,— это цензуру над художественным уровнем произведения; даже будучи чисто развлекательным, оно не должно опускаться ниже определенного уровня, в противном случае книга угрожает испортить вкус ребенка. Здесь нам помогут рецензии в газетах и журналах. И достаточно. Больше никакого диктата, предоставим детям предельную свободу выбора, полагаясь на то, что мы их правильно воспитали.

Равенство в правах и обязанностях

Семейная демократия базируется не только на равенстве прав, но и на равенстве в выполнении обязанностей без различия пола (убирать со стола — дело девочек), возраста (сначала он, он старше) и успехов в школе.

Мальчик должен чувствовать себя активным, постоянным участником семейной жизни. И это

придет к нему, если он видит, что семья объединена теплыми, дружескими отношениями, взаимопомощью. Я знаю, как трудно добиться, чтобы сыновья помогали по дому, но мы наблюдали, сколь добросовестно они все делают, когда кто-нибудь из нас заболевает или если они остаются на весь день одни. Мы возвращаемся вечером — стол убран, посуда вымыта, они уже в кровати, брюки аккуратно висят на стуле, а не валяются, как всегда, бесформенной кучей на полу. Обычно после какой-нибудь размолвки со стола приходится убирать нам, ребят никак не отправишь спать, на все наши увещевания они отвечают нечленораздельным мычанием, не отрывая глаз от газеты.

Необходимо настойчиво поправлять их, поскольку привычка не считаться с другими может перешагнуть границы семьи и стать тем более опасной и предосудительной. Чтобы предотвратить зло, недостаточно взывать к ответственности, которую дети проявляют в аварийном случае. Родители должны заражать их личным примером, помогать друг другу преодолевать повседневные трудности, возникающие, скажем, вследствие различных режимов работы, упрощать ведение хозяйства, например по возможности стабилизировать время еды. Видя, что родители придерживаются определенных правил, дети тоже постепенно приучаются их соблюдать, но важно, чтобы это были именно правила, а не бесконечные нововведения: "С сегодняшнего дня садимся за стол в 8.30. Так удобнее", а два дня спустя: "Вернемся к прежнему распорядку, так было лучше". Или: "С понедельника постараемся вести себя сдержанно, как английские туристы..." Нельзя забывать, что детям нужна среда увлекательная, но и налаженная, в ней они чувствуют себя увереннее, а следовательно, свободнее,

чем в атмосфере художественного беспорядка, свойственной некоторым семьям, где поведение непредсказуемо и вечно семь пятниц на неделе. Ребята любят привычки и упорядоченность и, даже если из лени не соблюдают их, признают в них твердую основу складывающейся традиции.

В семьях, где отец помогает матери по дому, где родители вежливы с бабушками и дедушками, подают пример преодоления трудностей и конфликтных ситуаций, процветает человечность, гуманность детей. Они привыкают присматриваться, не нужна ли кому помощь, здороваться со стариками, уступать место в трамвае — все это становится их второй натурой, а не вынужденным проявлением галантности поневоле.

Не страшно, если в своем рвении они и переусердствуют. Как-то раз мы ехали нагруженные чемоданами в переполненном поезде. У меня на руках была маленькая Карлотта, а Тонино с Альберто "удочерили" престарелую синьору, которой уступили место. Всю дорогу они по просьбе суетливой пассажирки беспрестанно снимали и ставили на полку пакеты, свертки, сумки. По приезде они бросились разгружать весь этот нерационально сложенный багаж и проэскортировали синьору до автобуса, оставив меня одну справляться с чемоданами и Карлоттой.

Остановимся на проблеме взаимоотношений с дедушками и бабушками. Часто случается, что взрослые, даже ненамеренно, ведут себя с ними как с неравноправными: дедушка или бабушка — назойливый человек, которого приходится терпеть, или склочник, нарушающий гармонию между мужем и женой, или нахлебник, для которого нужно жертвовать помещением, а в квартире и так тесно. В любом случае это человек, который "должен" умереть раньше других.

Дети по-своему оценивают семейные отноше-

ния и приходят к определенным выводам: мама не любит бабушку, папа и мама грубо отвечают родителям, дедушка разговаривает только с ним, внуком, в присутствии других он молчит, словно стесняется. Между дедом и внуком возникает тайная общность, взаимопонимание: старого и малого объединяет отстраненность от непонятной, лихорадочной деятельности взрослых, они развлекаются одними и теми же вещами, играют ярко раскрашенными игрушками, для них праздник, когда на подоконнике распустился цветок.

Как только ребенок заметит, что дедушка слаб и ему нужна помощь, а другие в силу этого считают себя вправе помыкать им, подчеркивать его неполноценность, выбор ребенка становится мучительным. Он любит дедушку и уверен, что тот прав, но и папа с мамой тоже не ошибаются, и раз ругают дедушку, значит, он нехороший... Ребенок страдает по причинам, которых не понимает и не хочет понимать.

Между тем присутствие дедушек и бабушек может стать в высшей мере воспитательным фактором, особенно когда они очень стары и больны, нуждаются в особом уходе. Ребенок быстро привыкнет к некоторым элементам самопожертвования, поймет долг сильного в отношении к слабому, приучится естественно отказываться от вкусной еды в пользу дедушки, будет следить, чтобы в часы послеобеденного отдыха кресло было свободно, считать своей обязанностью сбегать за скамеечкой для ног, за газетой, за очками. Научится помогать ближнему, учитывать потребности других, уважать чужой отдых.

2. Эгоизм

КОГДА МЫ ЭГОИСТЫ

Причина многих ошибок

Одна моя приятельница сказала мне по этому поводу: "Слово "эгоизм" неприменимо к нам, родителям, наша любовь к детям сама по себе отрицание эгоизма. Возможны аномальные чувства, но лишь в исключительном случае. Природа родительской любви — самопожертвование, самоотречение".

Весьма распространенное мнение, и, к счастью, большинство из нас знает, что это — риторика, все мы, кто больше, кто меньше, страдаем эгоизмом.

Существуют крайние случаи: дочь, убежденно выполняющая в доме роль служанки, чтобы избавить от хлопот и трудностей мифически хрупкую мать; сын, который в раннем возрасте взваливает на свои плечи ответственность за семью, ибо родители инфантильны, ненадежны и т. д. Здесь недостатки родителей предельно очевидны. Но существуют не столь разительные примеры эгоизма, их не распознают ни члены семьи, ни посторонние.

Все мы, призадумавшись, вспомним наверняка, как кричали на ребенка за разбитый предмет, несоизмеримо с несущественной виной, но пропорционально цене вещи, которую нужно снова покупать. Вспомним, что не раз обрушивали свой гнев на детей вовсе не потому, что их поведение не соответствовало хорошему воспитанию, а просто они мешали нам отдыхать. Мы забывали, что дети имеют такое же законное право на игры, как взрослые на отдых, а может быть, и

большее.

Итак, признаемся: нередко мы ведем себя эгоистично. Например, когда прибегаем к мелкой лжи, чтобы уговорить детей, а значительно полезнее и педагогичнее было бы провести разъяснительную беседу. Разумеется, объяснять трудоемко и тягостно, ведь дети прерывают вас и спорят, да еще как спорят! И все же по опыту известно: стоит нам солгать малышу, резко приказав: "Прекрати! У меня болит голова!" или "У меня очень срочная работа!", как он вовсе не утихомиривается, а становится невыносимым. То же самое происходит, когда мы, чтобы спокойно беседовать с гостем, увещеваем: "Дай мне поговорить с дядей, не веди себя как невоспитанный ребенок, прекрати!"

Невыносимые дети

Чем больше мы ругаем ребенка и сердимся на него, тем больше он капризничает: разговаривает плаксивым голосом, цепляется за ноги, пристаёт, хватает все предметы подряд, лезет открывать сумку гостя. Мы все больше выходим из себя — ребенок становится все несноснее, и вот мы уже на ошибочном пути. Гость тоже пытается внести свою лепту. Все кончается скандалом, на ребенка накричали, он плачет, у него остается ощущение горечи, у взрослых — недовольства собой. Они чувствуют, что поступили неверно, но не представляют, как действовать иначе.

А между тем средство есть: нужно объяснить ребенку обстоятельства, принимая во внимание его эмоциональность, ведь часто упрямство в отношении к нашим гостям, к нашим занятиям — результат ревности. Ребенок выходит из себя, чтобы привлечь внимание, точно так же, как в

аналогичном случае делает котенок или комнатный щенок. Но животным нельзя объяснить необычность обстоятельств, а ребенку можно, хотя при этом придется противостоять неиссякаемому напору "почему?". Надо сделать ребенка соучастником события, довести до его сознания, что наша работа касается и его, что гость приходит повидать нас всех. "Как ты считаешь, не угостить ли его кофе?", "Может быть, тебе надеть более чистую рубашку?"

Тогда ребенок не будет чувствовать себя отверженным и, зная, что наравне с остальными имеет право участвовать в разговоре, возможно, предпочтет поиграть самостоятельно.

Если обстоятельства этого требуют, нужно объяснить, что гостю необходимо обсудить с вами секретные темы и что было бы нетактичным разрешить участие в разговоре третьего лица. При этом важно напомнить, что аналогичную деликатность вы, как правило, проявляете в отношении его маленьких друзей. Дети понимают нерушимые правила "секрета".

Тем не менее случается, что дети становятся невыносимыми и ни наше самообладание, ни наши педагогические ухищрения не действуют. В этом случае стоит призадуматься, не ошибаемся ли мы, ибо вопреки обманчивому впечатлению дети редко бывают виноваты.

Помню, однажды, когда Тонино и Альберто были еще малы, к нам пришла одна дама обсудить со мной свои дела. Мы жили тогда в двухкомнатной квартире большого дома и собрались все в столовой. Близнецы сразу же затеяли возню, стали таскать стулья по полу, стрелять картофелинами в бумажный пакет на столе, а в нем были яйца, брызгаться друг в друга водой, падая и на нас с гостьей, и т. д. Я испепеляла их суровыми взглядами, пару раз прикрикнула —

никакого впечатления! Гостя непрошено взялась увещевать их — ни малейшего эффекта! Наконец дама ушла, и дети мгновенно успокоились. Я разразилась темпераментными, но несправедливыми укорами. Только позднее, подумав, я поняла: дети не виноваты, что квартира слишком тесна для их бурного проявления энергии, что им не свойственно лицемерие и они не умеют скрывать нетерпимость к госте, которая излишне громко, излишне долго говорила и чрезмерно затянула свой визит; и особенно потому, что дети, подобно щенкам и котят, чувствуют, когда к ним испытывают антипатию и неприязнь, что и имело место в тот день.

Эмоциональный шантаж. Предчувствия

Я уже упоминала, что ссылка на плохое самочувствие может служить поводом, чтобы огрادیть себя от детской шумливости. Многие из нас прибегают так же к жалобам на предполагаемые моральные страдания, чтобы исторгнуть у детей незаконные жертвы.

В этом случае мы неосознанно используем эмоциональный шантаж, берем на прицел альтруизм ребенка, чуткую совесть, которая его мучает, если он считает себя причиной чужих страданий. Такое проявление я не колеблясь назову жестоким эгоизмом, поскольку цель его — заставить страдать беззащитное существо. Подобное определение не содержит ни для кого оскорбления, поскольку, увы, относится ко всем родителям: кто чаще, кто реже грешит этим проявлением, желая избежать беспокойства за ребенка, когда тот один, далеко, в горах, на велосипеде, на реке. Согласна, беспокойство порой непереносимо. Воображение матери услужливо рисует картины

одна страшнее другой: то ребенок на велосипеде столкнулся с грузовиком, то маленький пловец кричит и его уносит течением... Предпочитаю не продолжать этот зрительный ряд. И все же ничто не оправдывает эмоционального шантажа, неотступно преследующего ребенка вплоть до взрослого возраста: "Возвращайся пораньше, ты же знаешь, я волнуюсь и не засну, пока ты не придешь", "Нет, не ходи туда, я буду беспокоиться!", "Не ходи плавать, хотя бы сегодня, побудь с мамой, она всегда одна... Впрочем, иди, но ты меня огорчаешь..."

Некоторые пользуются даже предчувствиями, чтобы шантажировать детей. Как известно, предчувствия булвуют многих родителей, особенно матерей. Обычно они носят характер неясной тревоги и общего беспокойства, но порой приобретают весьма определенную форму, особенно когда проявляются в виде снов. Как правило, предчувствия не имеют ничего общего с реальностью, ни с прошлым, ни с будущим, но последнее слово по этому поводу остается за психологами и другими учеными.

Во всяком случае, мать, одержимая предчувствиями, хорошо поступит, оставив их при себе, во-первых, потому что ее вряд ли примут всерьез, во-вторых, потому что в случае реального совпадения предчувствия с несчастьем это произведет слишком сильное впечатление на детей — они станут боязливymi и суеверными. Ибо предчувствия по большей части являются проявлением суеверий: их определяют увиденный утром паук, разбитое зеркало или попросту архаическое заблуждение, укоренившееся в подсознании, что боги завидуют нашему счастью, нужно задобрить их, создав искусственные трудности — предчувствие несчастья, страхи за будущее.

Родители — собственники

К счастью, дети, отзывчивые к доступным им страданиям, как правило, безразличны к родительским страхам, которых не могут ни представить себе, ни оценить. Однако им все равно неприятны шантаж и давление, они угадывают истоки этих тревог — собственническое отношение к детям.

Это — боязнь увидеть, что дети вырастают, становятся личностями, постепенно ускользают из-под родительской власти и опеки, боязнь одиночества у того, кто не сумел создать настоящей семьи, кто развлекался детьми, словно игрушками.

И наступает момент, когда "игрушка" отказывается быть таковой, ищет себе другую жизненную сферу. Мальчишка хочет самоутвердиться таким, каким является на самом деле, он — независимая личность, жаждущая инициативы и автономии, а родители из эгоизма подавляют эти качества. Некоторое время тому назад я читала сочинение одной своей ученицы, тогда-то мне и пришло в голову все это.

"...Если у меня родится ребенок, я наверняка его буду воспитывать совсем не так, как воспитывали меня. Я вовсе не возражаю против доброты и заботливости моих родителей, они выполняют все мои желания, даже слишком, но вечно дрожат надо мной, как бы я не заболела, как бы со мной чего не случилось... Не хотят, чтобы я гуляла с подружками. Если я иду в гости к приятельнице, проверяют по телефону, когда я пришла и ушла; им хотелось бы знать все мои мысли и поступки. Так что в моей уютной комнате, которую они со вкусом обставили, когда мне исполнилось 12 лет, я чувствую себя птицей в золотой клетке".

Я привела отрывок так, как он написан, в нем литературная наивность сочетается с горечью осуждения. Автор — зрелая для своего возраста девочка — любила школу и учебу. Мне даже казалось, что она слишком привязана к школе, я в те поры не оценила ее рвения, ее чрезмерно ревностного отношения к хорошим оценкам; тем не менее я считала ее серьезной личностью, и мы с ней основательно работали. Только позднее я осознала, что именно она искала и находила в школе: здесь ее воспринимали такой, какая она есть, — вдумчивый, прилежный подросток, а не дитя, которое того и гляди задушат избыточной нежностью.

Истоком тревог и мнительности может быть не только заядлое собственничество, но и самый мелкий эгоизм — желание пребывать в покое, отгородиться от неприятностей и забот, от беспокойства, сопряженного с ними. Такие родители, стремясь избежать маловероятных отдаленных опасностей, терзают себя и детей предосторожностью, которая неизбежно оказывает пагубное действие и создает предрасположение к излишней осмотрительности и трусости. Это, возможно, обережет детей от опасности, но лишит радости общения со сверстниками, удовлетворения от занятий спортом, способности смело дискутировать.

”Наседка”

Для самой дальновидной матери тягостен момент, когда она должна перестать быть наседкой, выпустить цыплят из-под своего крыльшка, чтобы они стали самостоятельными. Нет оснований оттягивать этот момент под предлогом, что ребенок еще хрупкий, он перенес операцию аппендицита четыре года назад и должен есть пищу,

приготовленную исключительно матерью, ему нельзя играть во дворе, там, упаси бог, он вспотеет, нельзя гулять с друзьями, он непременно забудет одеть джемпер. В результате мать постоянно подавлена страхом, а сын мучается сознанием, что он — неполноценный, слабее своих сверстников.

Перед нами выбор: или будем страдать мы, или — дети.

Меня до сих пор мучает воспоминание о событии, происшедшем в Англии, я прочла о нем некоторое время назад в хронике. Умерла обеспеченная вдова, оставив сорокалетнего сына-инвалида, которому посвятила всю свою жизнь и заботы. Оказалось, что сын вовсе не инвалид. Просто в одиннадцатилетнем возрасте он перенес тяжелую, опасную для жизни форму кори, и выздоровление шло медленно. Понадобилось кресло на колесах, матери пришлось готовить ему специальные легкоперевариваемые блюда. Слабенький мальчик рос меланхоличным, мать баловала его и нежила. Она не сумела отказаться от покровительственной заботливости, столь хорошо нам всем знакомой, от удовольствия утешать своего грустного сына. Выздоровление затянулось на всю жизнь. В сорок лет у несчастного почти атрофировались ноги, он разучился ходить, потерял практически связь со всем, что находилось за стенами материнского дома.

Это — чудовищный эпизод, крайний случай, и мне могут возразить, что именно поэтому не стоит говорить о нем. Я думаю, что как раз наоборот, стоит. Мне многократно приходилось наблюдать матерей с аналогичными тенденциями, разумеется значительно более умеренными, чем у английской матери. Это ошибочная установка — находить удовольствие в раболепном служении ребенку, предназначать ему лучшую еду и вещи,

считать своим исключительным правом заботиться о нем и даже испытывать облегчение, когда он из-за легкой простуды пропускает денек школу и, лежа в постели, читает детские журнальчики, окруженный приличествующими запретами. Мой ребенок дома, ничего с ним не случится, он под защитой, я могу его лелеять...

Эти слова, если бы мы произнесли их хотя бы мысленно, выразили бы ощущение сусального счастья, которое обволакивает нас и нашего ребенка, когда мы вместе упиваемся его легким недомоганием и его потребностью в покровительстве и ласке.

Халатность

Все это вовсе не означает, что заслуживают неумеренного восхищения родители, которые предоставляют детям полную свободу действий и хвастаются, что никогда не беспокоятся. Как это — никогда не беспокоиться? Воздерживаться от сцен и не терзать ближних своими страхами — это одно, но как можно не испытывать беспокойства? Приходится заподозрить, что некоторые принципы "без предрассудков" прикрывают самую настоящую халатность. Не исключено, что все живут весело и мирно в этой беспечной семье, но, думается, в такой обстановке с детьми легко может случиться несчастье. В газетах мы беспрестанно читаем хронику ужасающих событий, жертвами которых становятся безнадзорные дети, и виной тому не только невежество и бедность родителей, но и убеждение, что дети сами должны находить выход из любого положения.

"Что может случиться с грудным ребенком, — говорила моя подруга, — когда его накормили, перепеленали и он спокойно лежит в постели?"

Мой, когда заснет, не просыпается. Я возвращаюсь из кино, и он лежит все в том же положении, как я его оставила". Именно в те дни я прочла в газете сообщение о младенце нескольких месяцев, оставленном без присмотра: он задохнулся, всунув голову между прутьями кровати. Надеюсь, что с тех пор моя подруга изменила мнение.

Другие мои друзья имели обыкновение оставлять по вечерам в одиночестве девочку семи лет. Вернувшись однажды, они застали ее с жестоким приступом аппендицита. Изнемогая от рвоты и болей, она позвала соседку. "Видишь, все твои разглагольствования напрасны,— имели мужество возразить родители на мои взволнованные выпады,— Анна вполне рассудительна и не растеряется ни при каких обстоятельствах".

Что верно, то верно: дети рассудительны, и несправедливо отрицать их предусмотрительность и те способности, которые мы признаем за собой. Повседневный опыт доказывает, что из многих затруднений они выходят легче, чем мы. Но неверно злоупотреблять этим здравомыслием, создавать ситуации, тягостные для детей, оправдываясь всего лишь тем, что мы хотим посмотреть спектакль или провести вечер с друзьями.

Первые наставления

Тем не менее полезно учитывать способность детей к самообслуживанию, благоразумно и постепенно выявляя эту склонность. Многие родители с самого раннего детства объясняют детям, какую опасность таят некоторые вещи, и причины ряда запретов. Нет необходимости применять суровую систему, по которой надо не мешать ребенку обжечь руку. Даже совсем маленькие дети способны понять, что нельзя трогать го-

рячие предметы, если предупредить их просто и спокойно: "Смотри, я притронулся к этому, и мне больно. Ой!" Младенец не поймет всего сразу, но начнет привыкать к тому, что у каждого запрета, у каждого наставления есть свои причины.

Я была свидетельницей успешного эксперимента, цель которого состояла в том, чтобы научить ребенка, предварительно объяснив необходимые предосторожности и выбрав предметы удобные в обращении и не слишком острые, пользоваться ножом и ножницами. Такой метод предотвращает несчастье, в случае если ребенок схватит на кухне неопытными руками нож, а он непременно это сделает из любопытства, если ему не объяснили причины запрета, порежется и напугается. Во время этого эксперимента мне случилось наблюдать премилый эпизод: мой трехлетний в те поры племянник Деметрио чистил яблоко, ловко управляясь блестящим ножичком. Внезапно ножичек выскользнул у него из рук, и мальчик порезался. Деметрио заплакал, но не от боли, а от возмущения, и упрекнул свою мать: "Ишь придумала, дать ножик такому малышу, как я! Разве ты не знаешь, что детям не дают ножи?"

Несмотря на такой выпад Деметрио, я настаиваю, что наилучшая профилактическая мера — знание опасности, способность соразмерить с ней свои возможности и силы. Мальчик, умеющий плавать, вряд ли станет купаться в опасном месте — опыт научит его отличать безопасную зону от коварной глади; если ребенок с детства привык ходить с родителями в горы, он не будет пытаться в подростковом возрасте уже в более серьезных походах совершать высокогорные восхождения в джемпере и кедах.

Естественно, надо заботливо удалить от ма-

лышей все опасные объекты: низко расположенные штепсельные розетки, неустойчивые предметы, легко поворачивающиеся газовые краны, кастрюли, стоящие на огне без присмотра, тазы с водой. А когда он подрастет, предостеречь его и от иных опасностей.

Мелкие ранения

Поговорим о том, что происходит, когда ребенок поранился. Некоторые родители впадают в панику: "Несчастливая я мать! Сколько крови! Наверное, кровотечение. Вызови врача! Позвони в "Скорую помощь"! Доктор, приезжайте немедленно, мой ребенок разбил голову!" Потом выясняется, что вся эта кровь из рассеченной при падении губы, и он даже не заплакал бы, если бы вокруг не подняли суматохи.

Безусловно, правильное поведение в любых, даже трудных обстоятельствах — это спокойствие, самообладание и целесообразные действия человека, уверенно выполняющего то, что нужно, а не беготня по дому с вытаращенными глазами. Тогда и дети приучаются спокойно воспринимать неизбежные мелкие ранения.

Помню, однажды, когда близнецы были еще совсем малы, меня насторожило слишком долгое затишье, и я пошла посмотреть, почему они так притихли. Оказалось, они затирали подушкой на полу следы крови. Близнецы объяснили мне, что дрались, и в разгаре битвы Альберто ударился головой об угол кровати. Чтобы избежать слишком сурового разноса (у нас в доме споры, достигающие до драки, были запрещены), они постарались ликвидировать самые очевидные улики.

— Где ты ушибся? — испуганно спросила я.

— Здесь, посмотри, тут не хватает кусочка, —

и спокойно показал мне отвалившуюся щепку.

Мои дети настораживаются, как, впрочем, и я, когда речь заходит об инфекционных заболеваниях, полиомиелите, столбняке; к счастью, они спешат продезинфицировать любую ссадину, требуют от меня прививок, как только их объявляют. Думаю, что это хорошо.

Трудно не быть мнительной, нужно хорошее самообладание, чтобы выглядеть спокойной, когда волнуешься. К тому же это серьезная жертва, ведь так благотворно "разрядиться"! Я с удивлением осознаю каждый раз, когда волнуясь, что лучший способ унять волнение — излить его, и желательно шумно. Скажем, метаться по дому, заламывая руки и восклицать: "Ах, как же его еще нет? Он же опоздал на час!", или: "Мамочкина радость, ах, как тебе бо-бо, как ты ушибся, не пугайся, сию минуту придет доктор!" Проявление чувств порой становится самоцелью, мать упивается словами, преувеличенная экспансивность помогает забыть незначительную причину волнения.

Может быть, именно в этом смысл "плачей", которые до сих пор бытуют в некоторых местностях, и обычаев наших предков кататься по земле и посыпать голову пеплом, чего мы, благовоспитанные люди, никогда себе не позволим. Они знали, сколь благотворно выразить свои эмоции незамедлительно и шумно. И те отцы и матери, которые устраивают столь драматические зрелища по любому поводу, моментально забывают все происшедшее, в то время как мы, умеющие владеть собой, продолжаем наслаивать пережитые волнения и замаскированные страхи до тех пор, пока они не обойдутся нам желудочными спазмами. Но мы знаем, что делаем это из любви к нашим детям.

ТЯЖЕЛЫЙ ХАРАКТЕР РОДИТЕЛЕЙ

Споры

Встречаются родители, которые спокойно воспринимают разбитые носы, ссадины на коленях, самые серьезные ушибы, но не могут удержаться, чтобы не принять позу жертвы, пожаловаться, поругаться во всех остальных случаях. И если даже преодолевают такое искушение, то делают это так демонстративно, что члены семьи не могут не заметить искаженного лица, заплаканных глаз, не слышать гроыхания посудой в кухне и хлопанья дверью.

Если это веселые люди, которые живут дружно, то жертвенность и нервозность не принимают за чистую монету, все знают, что это несерьезно и ненадолго, виной тому неприятности или проходящее физическое недомогание. Сама атмосфера в семье помогает преодолеть горечь этих кратких мгновений. Если же, напротив, никто никогда не повышает голос, не разрешает себе лишнего жеста, не проявляет нетерпения, речь может идти о том, что члены семьи недостаточно откровенны друг с другом. Неестественно все время контролировать себя — это создает в семье искусственную атмосферу, более пагубную, чем бурное, но искреннее проявление чувств при разрешении возникших разногласий.

Однако необходимо, чтобы детей не покидало ощущение, что в доме господствует любовь и взаимопонимание и что подобные сцены — второстепенные эпизоды. Если ребенок слишком впечатлителен, надо подавлять свои вспышки, придет время и он сам поймет, что легкий нервный срыв не безысходная катастрофа. К примеру, моя племянница Луиза повествует в письме: "Дома только и разговоров, что о предстоящем пе-

реезде, по этому поводу родители постоянно ссорятся". А сама сестра рассказывает так: "Я настолько рассвирепела, чтохватила об пол тарелкой (к счастью, она была уже треснутая), а мои легкомысленные дети только хихикали". Племянники бестрепетно воспринимают материнские скандалы (всегда сольные, поскольку в семье для нее нет достойного партнера) и относятся к ним как к неизбежным, но безобидным проявлениям. Они уверены: ничто не способно нарушить сердечную обстановку в их семье.

А вот Пиа, моя маленькая приятельница, едва за столом повышают тон, осведомляется дрожащим голосом, уткнув нос в тарелку: "Вы ведь не ссоритесь?" И не всегда отвлекающие маневры родителей достигают цели. Стало быть, эту особенность девочки надо принять во внимание, пока она не подрастет и не научится отличать пустяковое разногласие от серьезной ссоры. Дети склонны драматизировать, и, если бы мы припомнили долгие бессонные ночи нашего детства, когда нам казалось, что родители разлюбили друг друга, мы бы не разрешали себе нервных срывов и некоторых саркастических выпадов, которые ребенка ранят больше, чем того, кому предназначены.

Необходимость сотрудничества между родителями

Очень часто невольным предлогом для разногласий супругов является ребенок, которого хотят воспитывать по разным, друг друга исключаящим системам. Скажем, отец сторонник авторитарного принципа и престижа, его приказы не подлежат обсуждению. Сын должен научиться "ходить по струнке". "Я не хочу, чтобы он рос

таким, как твой брат (или сестра, или кузен)”, реже: ”чтобы он был, как мой брат” и т. д. Мать считает необходимым смягчить часто неоправданные резкости и строгости отца и прибегает к ласке и терпимости. Сын знает, что может рассчитывать на материнскую поддержку и даже соучастие в самых серьезных проделках и, лавируя между недифференцированной строгостью отца и столь же недифференцированной терпимостью матери, вырастает неспособным отличить пустяковую шалость от серьезной провинности.

Для успеха воспитательной деятельности необходимо сотрудничество и единодушие супругов. И все же, оглянувшись вокруг, мы видим настораживающее количество семей, где детьми занимаются исключительно матери. Даже если мать не слишком обременена домашним хозяйством и имеет возможность духовно общаться с детьми, полное исключение отца из воспитательного процесса, бесспорно, нарушает права детей — на них должны влиять оба родителя с их различным опытом и склонностями, сплавленными в единую воспитательную концепцию.

Но чаще встречается мать — домохозяйка, перегруженная бытом, у которой нет времени ни поговорить, ни поиграть с детьми. Случается, что в такой ситуации на нее ложатся только материальные заботы, а отец принимает на себя обязанности интеллектуального и морального воспитания детей: водит их гулять, объясняет им явления природы, обсуждает школьные дела и политику. Мать считают некой машиной, генератором нежности, поставщицей выстиранной и выглаженной одежды, хорошо приготовленной пищи, призванной ухаживать во время болезни и давать бесполезные советы.

Не мать, а мачеха!

Бывают трудные ситуации, когда из-за плохого характера родителей или одного из них в семье нет основы для согласия и покоя. Запутанные отношения становятся все сложнее, непоправимее и часто приобретают драматический оттенок. Наверное, подобные случаи и породили молву о злой мачехе.

Быть может, мое утверждение ошибочно, но думаю, что легенды об этом жестоком персонаже, подобно всем мифам и сказкам, отражают реальные события. Мачеха является символом вспыльчивых родителей, отличающихся резкой сменой настроений, плохим обращением с детьми или, что еще хуже, с одним из них и благосклонностью к другим, любимчикам. Прозвище "мачеха" — это стремление замаскировать отталкивающую действительность, продиктованное неприятием факта существования злых матерей, даже если они не прибегают к таким крутым мерам, жертвами которых стали Белоснежка и Золушка.

Всем приходилось слышать о родителях слишком суровых и несправедливых. Не будем отрицать, что и нам самим случалось проявлять то вспыльчивость, то жестокость, что мы ставили в пример сыну-сорванцу родного или двоюродного брата (и тем самым пробуждали к нему глубокую антипатию), что срывали дурное настроение на своем беззащитном, изумленном ребенке, хотя он был совершенно ни в чем не повинен.

Мне возразят, что мы не имеем ничего общего ни с аномальными родителями, фигурирующими в газетах, которые истязают своих детей, пока не вступится полиция, вызванная соседями, ни с такими патологическими случаями, как, скажем, юная мать из Рима, которая, как пред-

полагает суд, "не отличалась терпением" и зарезала своего ребенка, потому что он не ел кашу. Мы не напоминаем даже тех родителей, которые беспрестанно бранят своих детей, унижают их достоинство оскорблениями, растят из них запуганных, сломленных существ, и никто не может вступиться, ибо трудно разоблачить такое утонченное психологическое линчевание.

И тем не менее мы не задаем себе вопрос, как реагируют дети на вспыльчивость, на окрик, порой и на подзатыльник. Мы слишком часто забываем, что наш ребенок — существо, которое живет непоколебимой любовью, обожанием родителей, доверяем к ним. Забываем, что он недавно пришел в этот мир, не знает и не может себе представить другую среду, кроме домашней, что он теряется и нервничает, если его перевозят, скажем, на другую квартиру. Привычная обстановка формирует его представление о мире, и каково же будет это представление, если в первые годы жизни его окружают враждебность и непостоянство? Он станет бояться событий, бояться людей, которые внезапно могут обернуться врагами.

Нельзя, разумеется, предусмотреть всего. Мы, родители, особенно матери, помимо воспитательных задач, которые разделяем с мужем, перегружены материальными заботами о ребенке и порой сами себе не хозяева, нам некогда каждый раз дифференцировать степень поощрения и наказания, их необходимость или неуместность. На это никто и не претендует. Нужно только придерживать собственные нервы, по правде говоря очень потрепанные и натянутые, но ведь мы все же их не распускаем в присутствии чужих людей.

Можно было бы сказать, что недоумение ребенка, его неспособность понять причину взры-

ва, его хрупкая незащищенность открывают зеленую улицу нашему раздражению. Если бы ребенок умел правильно реагировать, нам пришлось бы постоянно оправдываться, что мы не идеальны, что озабочены и в плохом настроении, что с нами необходимо терпение и мы порой преувеличиваем. Тогда мы бы поневоле научились владеть собой. Ребенок смотрит растерянно и незащитно на разъяренную мать, а та напускается на него не менее оголтело, чем сказочная мачеха. Она тоже злоупотребляет силой и властью, унижая находящееся под ее покровительством слабое существо. Потом она вытрет ребенку слезы и приласкает его, но ребенок знает, что его могут лишиться этого утешения в момент, когда он в нем нуждается, и вместо ласковой матери перед ним окажется истошно кричащая особа.

Настораживающие примеры

Отец Роберто, мальчика, о котором я уже упоминала, нашего приятеля по летнему отдыху, элегантный, образованный синьор, счел бы недостойным бить собственного сына. Но его окрики "Роберто!", напоминающие карканье, слышатся беспрестанно. То мальчик должен выйти из воды, чтобы строить крепости из песка со своим младшим братом, то прервать игры или разговоры с друзьями, чтобы сбежать домой и принести какую-нибудь вещь. Отец его то и дело язвительно укоряет, пользуется любым случаем, чтобы напомнить: "Ты не умеешь хорошо плавать!", "Ты не умеешь хорошо прыгать!", "Ты ничего не умеешь!" В голосе отца слышится ненависть, и Роберто всегда робок, послушен, исполнитель, он не способен проявить ни малей-

шей инициативы без разрешения отца, не умеет вести себя просто и непринужденно, его мучает сознание, что он самый бездарный в семье, вечно пересдает экзамены в сентябре, ничего хорошего не умеет делать — словом, полная противоположность своему братишке.

Мы не называем ряд случаев экстремальными — слишком их много, чтобы к ним можно было применить это выражение. Из опросов, проведенных в Америке, выясняется, что там каждый год умирает от побоев, нанесенных родителями, столько же детей, сколько их погибает в автомобильных катастрофах; велико количество детей, покалеченных родителями. Из причин столь жестокого обращения социологи и медики ставят на первое место полную неосведомленность многих родителей о физических и эмоциональных потребностях ребенка, как при рождении первенца, так и последующих детей.

И еще, я пишу, а перед глазами у меня лежат несколько ужасающих писем подростков, по большей части учащихся старших классов. Они жалуется в газету, что их до сих пор во всю бьют плеткой и палкой по обнаженному телу, да еще в присутствии братьев и сестер. Есть и родители, которые похваляются подобными мерами как наилучшей системой воспитания и утверждают, что стали образцовыми гражданами благодаря побоям, перенесенным в детстве.

Детская ревность

Есть дети и подростки, которые считают, что с ними плохо обращаются, хотя это вовсе не соответствует действительности. Чаще всего к такому разряду относится ребенок, ревнующий ро-

дителей к младшему члену семьи. Нередко родители, хотя и замечают эту ревность, не придают ей значения, невзирая на советы врачей и психиатров, усматривающих здесь причину многих невымышленных заболеваний. Обычно же ревность проявляется не в форме патологии, а в капризах и поступках "назло", и чуткие родители смотрят на это сквозь пальцы. Но недостаточно притворяться, что не замечаешь и не принимаешь этого во внимание, нужно отыскать способ сгладить страдания ребенка. И здесь не существует панацеи, каждый случай строго индивидуален, задача каждой матери и каждого отца — облегчить муки ребенка, уверенного, что с ним плохо обращаются.

Однажды, сидя у окна, я наблюдала, как на бульваре совсем юная мама прогуливает своих детей, пользуясь последним осенним солнцем. Младший, примерно годовалый, гуляет спокойно и сосет материнский кошелек, но она этого не замечает, потому что целиком поглощена разговором с первенцем, крепышом лет трех. Он замер на трехколесном велосипеде и, красный от ярости, плачет в три ручья, категорически отказываясь ехать дальше. Сомнений нет, он капризничает самозабвенно, всем своим существом, кричит истошно, до хрипоты, ноги и руки у него ожесточенно напряжены. Мать изменяет тактику, отходит и садится на скамейку на краю бульвара. Ребенок едет за ней на велосипеде, слезает с него, усаживается на землю и, продолжая визжать, начинает швырять вокруг себя песок. Мать встает, поднимает его, сажает на скамейку. Новый взрыв воплей, ребенок вскакивает и снова падает на землю. Так повторяется два, три раза, в конце концов мать кладет его себе на колени вниз животом и хорошенько отшлепывает. Снова крики, но уже не яростные, а печальные:

”Пожалей меня! Пожалей!” Через несколько мгновений он успокаивается на руках у матери. Пять минут спустя он уже играет с ведерком и совком, а братишка восторженно смотрит на него.

Я спускаюсь поболтать с юной синьорой — мы знакомы. Она несколько обескуражена, ей не удалось найти, кроме шлепков, никакого средства, чтобы погасить взрыв ревности сына. Мальчик развитой, с повышенным чувством собственного достоинства, не допускает, чтобы его ласкали без повода. Но устроить скандал, дожидаться от матери нахлобучки или даже шлепков и потом потребовать утешения, это да, это согласуется с его представлениями о достоинстве. ”Мы пытались,— объясняет мать,— быть с ним поласковее после рождения второго ребенка, но он ведет себя так, будто мы его обманываем, и вид у него, словно он хочет сказать: ”Нет, дорогие мои, меня не проведешь!” Он претендует на то, чтобы его ласкали, когда ему этого захочется, а не когда нам вздумается, пользуется капризами, чтобы привлечь наше внимание, ведь, как все ревнивые дети, он хочет чем-нибудь выделиться”.

Так что эта бесспорно подготовленная, благовоспитанная мать вынуждена прибегать к шлепкам, чтобы утихомирить своего ревнивого первенца.

Я возвращаюсь домой смущенная. И впрямь не существует достаточно надежной теории, которая устояла бы под натиском этих недисциплинированных малышей, они не хотят укладываться в схемы, не подчиняются казуистике педагогических трактатов.

САМОРЕКЛАМА

Родители — саморекламисты

Порой в присутствии посторонних некоторые родители начинают активно самовыявляться, они жаждут для своего спектакля публики.

Мне вспоминается один эпизод. Мы с совсем еще маленькими близнецами пошли на реку. Неподалеку, читая газету, загорал мужчина, а его сын счастливо плескался у берега, время от времени прибегая с вопросом к отцу, и тот со всей серьезностью ему отвечал. Потом они пошли в воду оба, выкупались, радостно брызгаясь и фыркавая. Они не отличались многословием, но по всему было видно, что это — друзья, что им хорошо вместе. Когда они, стоя на залитой солнцем гальке, вытирались, появилась нагруженная пакетами и сумками мать. Она стала раскладывать еду, расстелив салфетку на земле. И тут атмосфера изменилась. "А ну-ка поди сюда, — приказала она сыну, — нечего бездельничать!" Взгляд в нашу сторону, убедиться, что публика слушает. "Мужчины, как всегда, не шелохнутся! Все должна делать я!" Снова взгляд, взывающий к моей солидарности. "Наконец-то сдвинулся с места! Да не так, осторожнее! Делай, как я говорю! Думаешь, ты умнее?!" Потом они принялись есть, молчаливые и нахмуренные. Насытившись, женщина нашла небольшой песчаный участок, расположилась там и затянула мелодичную песню. Я взяла близнецов на руки и ушла.

Родители подобного типа тоже относятся к категории эгоистов: они пользуются детьми, чтобы преподнести себя в лучшем свете (по крайней мере так им кажется) перед посторонними. Случается, что, обычно снисходительные, в присутствии соответствующих зрителей они

внезапно становятся необычайно суровыми к детям, и те смотрят с изумлением, как их папы и мамы разыгрывают непреклонных, а порой и невыносимо ворчливых резонеров.

Чаще всего саморекламист хочет всем продемонстрировать выдающиеся достоинства своего отпрыска. В этих случаях принято считать это проявлением отцовской или материнской гордости. Необыкновенные умственные способности или красота, умение танцевать, читать стихи, бойкость в устном счете, поэтическая одаренность (вроде "у народа на виду мальчик раз играл в саду"), а если речь идет о грудном младенце — восхваление его веса, даже прожорливости, — все это исключительные достоинства, их отраженное сияние падает и на нас. Мы произвели на свет чудо и греемся в его лучах.

Безусловно, трогательное хвастовство перед сослуживцами последними достижениями грудного младенца не принесет ребенку вреда, но некоторые проявления родительского тщеславия могут возыметь и другое действие.

— Прочти стишок!

— Не буду!

— Мы же хотим послушать!

— Нет!

— Ну читай, я дам тебе конфетку.

— Не буду!

Гостю неловко:

— Ладно, как-нибудь в другой раз...

— Ну что вы! Будь умницей, отвечай, какой город — столица Японии? А Новой Зеландии (даже это знает!)? А Исландии?

Такая практика приносит неоспоримый вред — ребенок становится либо упрямым, либо покорным, но несимпатичным и манерным; самое главное — он надолго приучается считать себя исключительным. За это заблуждение он бу-

дет расплачиваться очень дорого и на школьной скамье, и в дальнейшем.

Такие доводы кажутся очевидными, они и являются таковыми. Тем не менее подобные ошибки мы все допускаем, ибо, по существу, каждый ребенок в собственной семье — чудо, мы не устаем слушать в присутствии добровольных зрителей его первые слова, а позднее — фразы, мы воспринимаем как необычайную одаренность его смышленость, а позже — успехи в школе. Простительные ошибки, о них не стоит и упоминать, если мы вовремя сумеем преодолеть эти восторги и начнем вначале малыша, а потом и школьника считать обыкновенным существом, которое живет и будет жить среди себе подобных обычных людей.

Лучший в классе

Обратимся к лучшему ученику в классе, этому способному ребенку с отличной памятью и порой незаурядным интеллектом, который в школе активно преуспевает. Ему очень легко зазнаться. Задача родителей не подогреть, а несколько умерить его тщеславие, не трезвонить о его успехах всем родственникам. Разумеется, не нужно хулить его, достаточно трезво оценить (понимаю, что это нелегко!) его способности и рвение, с которым он выполняет свой долг, и не допустить, чтобы школьные успехи привели его к переоценке собственной личности. Надо, чтобы он со временем осознал, что хорошая учеба вовсе не является необходимым и достаточным условием формирования совершенной, цельной личности, ею можно стать, только беспристрастно оценивая собственные качества, которые могут оказаться как положительными, так

и отрицательными, в зависимости от того, на что их направить.

Феномен "лучший ученик в классе" и "его родители" имеет аспекты более сложные, чем те, что я пыталась схематически представить. В качестве учительницы я сталкивалась с многочисленными и порой печальными случаями. Некоторые из них просто непостижимы.

Помню, однажды, когда учебный год уже начался, к нам пришел новый ученик, воспитанный и молчаливый мальчик. Он привык к высоким оценкам. В первом же сочинении он описал свой хороший поступок и высокое моральное удовлетворение, которое от него получил. Я поставила оценку ниже, чем ему хотелось бы, и он внезапно расплакался. Затем ко мне явилась его мать, благородная, несколько старомодная синьора. Она рассказала, что дома мальчика сурово наказали, но надеялись, что он исправится: прежде с ним такого не случалось. Она не защищала сына, которого предшествующие учителя научили писать сочинения именно так. Для родителей было важно, чтобы ребенок продолжал получать высокие оценки, поддерживать честь семьи. У него в дальнейшем это получилось, он был способным и скоро понял, как использовать свои незаурядные данные, чтобы преуспевать в новой школе. Но мне так и не удалось привить ему любовь к настоящей поэзии и литературе. Моя попытка посадить с ним рядом в последней четверти отстающего по латыни ученика, чтобы спасти его (дескать, он иногда спишет), не удалась — "лучший" не давал у себя списывать и никогда не подсказывал на опросе.

Как видите, такой персонаж существует не только на карикатурах и в анекдотах, он реален; сколько бы учителя над ним ни бились, у него устойчивый иммунитет к любой попытке пере-

воспитания. Еще более показательны родители, которые укоряли его. Но он просил, чтобы его вызвали "исправить" оценку даже не потому, что страшился укоров родителей, а из личного тщеславия, чтобы не разочаровывать домашних, не нарушать семейную атмосферу гордости за его школьные успехи.

Неуспевающий ребенок

Проанализируем теперь другой тип ученика. У него нет тяги к учебе, но в дошкольный период и даже в начальной школе его по неясным мотивам считали вундеркиндом. Мне приходилось наблюдать, как из начальной школы в среднюю приходили дети, которых матери считали необыкновенно одаренными, но с первых дней их учеба оказывалась ниже среднего уровня. Мы все знаем, что успехи в начальной школе мало показательны: слишком переполнены классы, слишком велика разница между детьми из малограмотных семей и из более культурных, где хотя бы не говорят на диалекте. Случается, что нормальные и умственно отсталые дети сидят на одной парте. Нередко лексическое разнообразие и беглость речи детей из социально привилегированной среды могут ввести учителя начальной школы в заблуждение, и он завысит оценку. В этом случае стоит учителю средней школы предупредить семью о неуспеваемости ребенка, как его обвинят в некомпетентности или пристрастии.

Итак, ученик триумфально доходит до средней школы, требования в которой значительно строже, чем в начальной, и на его голову обрушиваются каждодневные разочарования. Для учителя нет более тягостного зрелища, чем мордашка маленького вундеркинда, лучезарная в

первые дни (кругом столько нового и интересного!), которая постепенно становится изнуренной и меланхоличной от постоянных неудач.

Естественно, учитель ищет контакта с родителями, но редко заручается их поддержкой — ребенок, потрясенный столь жестоким и неожиданным разочарованием, излагает домашним события в искаженном виде, стремясь выглядеть жертвой непонимания и произвола. Это происходит по разным причинам: во-первых, ребенок убежден, хотя и не окончательно, что его на самом деле не понимают и преследуют, во-вторых, не может допустить, чтобы в семье все, абсолютно все ошибались... Нет, ошибается учительница! Обвинить ее — первое, что приходит в голову, — самый легкий выход из создавшегося положения. У ребенка в основе своей благородное намерение — не разочаровывать родителей, а те в свою очередь рассказывают окружающим о странном поведении учительницы и в ответ выслушивают сочувственные речи и комплименты необычайно одаренному ребенку.

Ясно, что двусмысленное положение, в которое попадает школьник, гораздо губительнее для формирования личности, чем дневник с неудовлетворительными оценками; будь ребенок иначе воспитан, он воспринимал бы спокойнее свои неудачи. И рос бы, как все другие дети, подготовленный к превратностям жизни.

Упрямое желание, чтобы сын любой ценой стал выдающимся учеником, чаще всего встречается у родителей единственного ребенка, им не с кем его сравнивать, и они не могут осознать, что бегло читать в восемь лет — вовсе не признак исключительности, все другие дети это делают. В семье, где несколько детей, случается обратное: родителей одолевают горечь и разочарование, ибо девочка в десять месяцев уже болтала и те-

перь в школе учится отлично, а мальчик вечно во всем запаздывал и до сих пор средненький ученик.

Подобные огорчения и разочарования возникают от непомерных претензий к детям и приводят к тому, что подростки страдают по совершенно несущественным поводам.

Одаренные дети

Случается порой, что ребенок и вправду невероятно талантлив, он действительно вундеркинд. Тогда родителям приходится решать трудную задачу: они должны помочь ему в его сложной системе бытия чувствовать себя таким же, как все, а не уникальным, достойным восхищения феноменом. Мало кто способен на это.

Один из моих племянников был очень одаренным ребенком, но к нему не относились иначе, чем к братьям, хотя не было нужды уговаривать его учиться, поводов укорять. Никогда не говорили о его незаурядном уме и моральном превосходстве, и до сих пор к нему все относятся так же: мне приходится напоминать самой себе, что Алессио — профессор университета, иначе я об этом забуду.

Совсем по-иному вели себя родители одной обаятельной девочки, моей ученицы. Она очень способна и разносторонне развита, всегда у нее куча вопросов, и всегда она готова затеять дискуссию на любую актуальную тему. Многие ее сочинения написаны на уровне хороших новелл или очерков. Родители не сомневались: их дочь умнее и красивее подружек, ей предназначено необыкновенное будущее, она станет писательницей, журналисткой, будет разъезжать в творческие командировки, встречаться с интересными

людьми. В некоторых сочинениях по литературе она писала о своих перспективах, создавая образ современной, спортивной, лишенной предрассудков девушки, которая общается со знаменитостями, ее все знают, беспрестанно фотографируют. Я наблюдала в ее работах и другие проявления снобизма, свойственного всей семье. "Она особенная, моя девочка, правда?! Вы тоже заметили, что она особенная?!" Для них она неповторимая, достойная исключительной благосклонности, ее должны переводить, скажем, в другой класс даже при недостаточной успеваемости. Я с сожалением замечала ее мелкий деспотизм, легкость, с которой она порывает дружеские отношения с одноклассниками. Она была одинока; с одной стороны, это тяготило ее, с другой — служило объектом гордости, признаком собственного превосходства. К недовольству родителей, я не выделяла ее среди других учеников. По крайней мере старалась этого не делать, а было трудно не обращаться к этим всегда внимательным, пытливым глазам.

Другие виды саморекламы

Можно наблюдать родителей, которые используют своего ребенка как партнера для разыгрывания определенной роли: лучезарная мать, ворчливый, но любящий отец, мать — озорница и игрунья, отец — приятель детей и, самое неприятное, родитель — остролов, который в присутствии посторонних высмеивает рассеянного, несобранного ребенка, делая его недостатки мишенью для острот.

Еще одна возможность саморекламы — покупать ребенку самые дорогие костюмы, игрушки и т. д., чтобы он ими щеголял, имел преиму-

щества перед другими. Причем это вовсе не от избытка любви — радость от подарков и предоставленных развлечений получаем в основном мы, по существу, здесь проявляется безотчетное чувство превосходства, которое часто не приносит никакой радости детям, поскольку им запрещают трогать красивые, дорогостоящие вещи. Всем нам памятли игрушки, спрятанные в шкафу (а то сломаешь!), одежда, которую одевают по скучнейшим поводам, магнитофоны и проигрыватели за семью замками (не трогай, ты не умеешь!). Когда ребенок вырастет и ему разрешат пользоваться этими дорогостоящими предметами, он извлечет из них такое же, не слишком нравственное, удовольствие, что и родители, бесплодную радость от того, что располагает большими возможностями, чем другие.

3. Лень

НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

Различные виды непоследовательности

Лень — один из аспектов эгоизма, хотя и считается менее серьезным недостатком. Родители частенько признают за собой этот грех, не допуская при этом мысли, что они эгоистичны. Порой мы слышим такие разговоры: "Детьми занимается жена, у меня не хватает терпения", "Уроки с ними делает муж, меня бы они все равно не послушались". Эти формы лени наиболее очевидны именно в силу того, что их признают и считают наиболее поправимыми.

Более серьезны и опасны случаи, когда родители смутно ощущают свою вину, но не доискиваются ее причины. Прежде всего это проявление непоследовательности.

Скажем, непоследовательность в наказаниях и поощрениях. Сегодня мы категорически запрещаем идти в кино, и нет аргументов, которые бы нас разубедили, завтра нам нужна тишина и покой, чтобы закончить работу, и мы отпускаем детей на тот самый фильм, который вчера запретили. Ни вчера, ни сегодня мы не привели убедительных доводов, и у ребенка складывается впечатление, что родителям не очень-то можно доверять. Нам даже не приходит в голову, что дети имеют право знать истинные причины наших запретов и разрешений, но, поскольку мы и сами их по-настоящему не знаем, случается, что наше мнение дети легко опровергают, ведь именно мы внушали им правило: "Не сдавайся, отстаивай собственную точку зрения!"

Точно так же нужно расценивать и слабость,

когда мы уступаем капризам и вымогательству, именно из лени не можем заставить себя убедить ребенка, и вот начинаются посулы поощрений и подарков, лишь бы чего-то добиться. Что правда, то правда, результата мы достигаем незамедлительно: каша съедена, микстура от кашля принята. Но что будет со следующей порцией каши или микстуры? Не успеешь оглянуться, ребенок стал талантливym вымогателем и с каждым разом претендует на все более значительное вознаграждение.

Так, в нашей семье инъекции достигли однажды непомерных цен. Я оправдывалась перед собой, дескать, уколы достаточно неприятная штука, трудно убедить малыша в их благотворном действии, кроме того, их делают редко и, значит, они не слишком опасный прецедент. Но все-таки значительно лучше однажды убедить ребенка (в итоге это менее изнурительно), чем придумывать каждый раз новые поощрения и отвлекающие маневры.

Премия имеет воспитательное значение, если выдается в исключительном случае. Скажем, мы требуем, чтобы ребенок вел себя не по возрасту сознательно. Например, когда нам пришлось убеждать Тонино не сосать палец, который угрожающе деформировался, сын проявил такую серьезность и сознательность, что мы сочли нужным премировать его. По ночам я бодрствовала и не давала ему класть палец в рот. Он открывал глаза и просил: "Только на минуточку, мама". Я объясняла ему, что эта "минуточка" сведет на нет столько уже затраченных усилий, и он, вздохнув, смирялся. Беспokoйно проспав две ночи, он совершенно оставил эту привычку. Ему было всего четыре года, разве он не заслужил премию за проявление такого самообладания?!

Наказывать следует тоже в исключительных

случаях. Система воспитания, основанная только на поощрениях и наказаниях, очень быстро исчерпает свою эффективность и сведет наши отношения с детьми к последовательности непредвиденных событий.

Чрезмерные посулы и угрозы

К этому методу воспитания прибегают слишком ленивые родители, вместо того чтобы объяснять или убеждать. Он представляет собой форму вымогательства и обречен на неудачу — после первого же провала ребенка трудно заставить поверить обещаниям. Некоторые посулы родители делают чистосердечно, действительно надеясь, что на следующее лето удастся поехать на фешенебельный курорт или вечером — сходить в кино, но, учитывая, что обещание было дано не слишком категорично, от него с легкостью отказываются: "Никакого кино, я занят! Ты хорошо себя вел? Ну и что из этого? Это твой долг!" или "Остановиться в гостинице? С чего тебе это взбрело в голову? Мало ли что мы говорим..." От таких речей мы многое теряем в глазах детей, они перестают принимать нас всерьез.

К такому же результату приводят неправдоподобные угрозы типа: "Если ты будешь беспрестанно таскать куски из холодильника, я оставлю тебя на два дня без еды!" или "Погаси сейчас же свет, иначе завтра я тебя не выпущу из комнаты!" В основе всех преувеличений — лень, нежелание тратить энергию на плодотворную дискуссию. Конечно, в некоторых случаях убедить ребенка трудно, необходимо еще что-то помимо увещеваний, чтобы отучить его от ряда дурных привычек, но может случиться, что и беседы бу-

дет вполне достаточно. Например, когда сын объясняет, что не лазил бы в холодильник, если бы обед всегда был готов вовремя и он, приходя голодным из школы, не ждал бы слишком долго. Разумеется, мать может возразить на это, что расписание работы лишает ее возможности делать то, что не составляет труда для матери — домашней хозяйки. И вообще, если вопрос о холодильнике останется открытым, ничего страшного не случится. Или, например, сын заметит, что во время каникул вечером неплохо было бы почитать попозже, что он уже достаточно взрослый, чтобы не лишать себя этого удовольствия только потому, что традиция предписывает в определенное время гасить свет. А если вредно читать в постели, то почему мы себе это позволяем? Короче говоря, можно найти приемлемые решения, что абсолютно исключено, если в момент раздражения с нашего языка срываются угрозы.

Страх

Привычка угрожать детям может иметь опасные последствия в случаях, когда начинают "нагонять страх" дядькой с мешком, буквой и т. д.

Кажется невероятным, но подобный метод до сих пор весьма распространен. Это настораживающее проявление эгоизма вкупе с ленью. Родители не только не удосуживаются убедить ребенка, но не дают себе труда вспомнить собственное детство, омраченное теми же самыми страхами, которые они хотят внушить своим детям.

Я не преувеличиваю, пугать детей так же плохо, как обижать их, хотя намерения в каждом случае разные. Мы знаем, что эти темы исследуют педиатры и психологи, доказывая губительные последствия детских страхов.

Часто малыш терзает ночные кошмары, истоки которых трудно обнаружить. Как правило, у ребенка не возникает страха, если кто-нибудь его не внушил. Страх зарождается не столько от самих слов, сколько от тона, которым они произнесены: дядька с мешком сам по себе никого не испугал бы, если бы угроза не звучала загадочно, устрашающе, не порождала образа неведомого человека, недоступного, разумеется, воображению ребенка, но ассоциирующегося с насупленными бровями, широко открытыми глазами и угрожающим тоном говорящего. Всевозможные сказки были причиной бессонных ночей нашего детства, заполненных кошмарами, а сейчас наши дети развлекаются, читая о ведьмах и привидениях, ибо образы эти преподнесены в пародийной форме.

Но недостаточно только уважать впечатлительность ребенка и не пугать, необходимо ограждать его от благодетелей, которые, желая помочь озабоченной, перегруженной матери, в магазине, в поезде, обращаются к детям:

— А ну-ка, малыш, веди себя хорошо, не трогай этого, а то как выскочит бука!

Спорить с этими преисполненными добрых намерений людьми не стоит. Вежливое "Не пугайте, пожалуйста, моего ребенка!" бесполезно. Мне как-то ответили с обезоруживающей улыбкой:

— Знаете, но так он сразу уgomонится. Попробуйте! У меня их пятеро, только так и удается утихомирить.

Я научила своих детей действенному методу самозащиты от запугивания:

— Дядьки с мешком не существует! — парировали они уверенно. А если и тогда их не оставляли в покое:

— Синьора, нехорошо говорить детям неправду!

Обычно собеседник бывал сражен.

Когда Тонино и Альберто было четыре года, я отправила их в единственный городской гражданский детский сад, там молитвы читали только два раза в день. Дети боготворили опытную воспитательницу и никогда бы не подвергли сомнению ее слова. И вот Тонино начал бояться ангела-хранителя. Раньше он игнорировал его существование, теперь же стоило погасить в детской комнате свет, как он произносил придушенным голосом:

— Я не боюсь темноты, но здесь ангел-хранитель...

И затем с удвоенным ужасом:

— Воспитательница сказала, что иногда хорошие дети видят ангела-хранителя... Мама, я хороший ребенок?

Кроме того, он с угнетающим рвением читал вечерние молитвы, которые у нас никогда не были приняты, и принуждал к этому Альберто, хотя тот до тех пор отличался устойчивым атеизмом. Я напомнила, что никто их не заставляет читать молитвы, и воспитательница на этом вовсе не настаивала. Тонино все же считал благо разумным продолжить это занятие, принимая во внимание беспокойную привычку ангела-хранителя всегда и везде присутствовать.

Страх отступил, как только Тонино понял, что ангел всего-навсего поэтический образ, и еще, конечно, потому, что никто дома не принимал его всерьез.

Я со своей стороны старалась не запугивать детей, ибо сама в детстве от страха не спала ночами. Дома меня никто не пугал — об этом позаботилась моя подружка, чуть постарше меня: она рассказывала истории о привидениях, о жутких сумасшедших, о преступлениях и физических аномалиях. На личном опыте я убедилась, что

необходимо вооружать детей против всех впечатлений, которые могут их поразить, нужно разговаривать с ними обо всем, не избегая с загадочным видом некоторых вопросов, что возбуждает нездоровое любопытство.

Какое бы чувство огорчения и неловкости мы ни испытывали, если ребенок просит разъяснений о преступлениях, болезнях, явлениях, которые суеверие считает сверхъестественными, о смерти, о психических и физических аномалиях, нужно отвечать со всей серьезностью, не драматизируя, но и не обманывая. Тогда дети научатся понимать ближнего, сопереживать калеке, ковьяляющему на костылях, с уважением смотреть на похоронную процессию, не придавать значения смехотворным и унижительным суевериям.

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Отвечать на вопросы

Детям нужно отвечать обстоятельно, без попыток стыдливо обойти вопрос, ни в коем случае не отделяться фразой: "Узнаешь, когда подрастешь". Такой ответ подогревает любопытство, придает ему нездоровый характер, подталкивает искать объяснений в самых неподходящих источниках, трактующих все в извращенной, непристойной форме.

Это особенно относится к сексуальным темам.

Дети начинают задавать вопросы, когда тема их интересует и они уже в состоянии выслушать и понять ответ. Кто избегает удовлетворить их любопытство, повинен не только в лени, но и в

непорядочности: он лишает ребенка законного права знать и вынуждает его получать искаженную, опошленную информацию.

Мне возразят, что говорить на некоторые темы затруднительно и неловко. Но всем известно, что существует научно-популярная литература, написанная специально для родителей. В этих книгах приведены некоторые драматические случаи — последствия неверного полового воспитания, а то и полного его отсутствия.

Достаточно вспомнить наше детство и отрочество, наше нездоровое любопытство, отталкивающие разговоры с одноклассниками, вульгарные смешки старших, вспомнить наше тогдашнее смущение и чувство вины при чтении самых высоконравственных книг, как только мы наталкивались на темы, которые считали непоправимо стыдными, муки от того, что нас преследовали оскверняющие образы и мы были не в силах противостоять им, и еще развязность, с которой мы похвалялись перед товарищами "глубокими" познаниями в этом вопросе, — и мы осознаем необходимость оградить наших детей от бесполезных переживаний, горечи, от заблуждения видеть грех там, где его нет.

Рано или поздно ребенку станет очевидна причастность родителей к этим вопросам, что может привести к кризису отношений, натянутости, пусть даже временной. Возникает и другое осложнение — наша стыдливость, которую необходимо преодолеть, хотя это и тяжело. Не все в воспитании детей легко и приятно. Разве пословицы и избитые фразы не твердят нам, что мы приносим детям жертвы? Отказ от ревниво охраняемой тайны может служить примером такой жертвы.

Предупредить вопросы

Во время учебы в университете, я подрабатывала репетиторством. Моим учеником был прекрасно воспитанный четырнадцатилетний мальчик, очень привязанный к матери, единственный сын красивой и энергичной синьоры. Однажды она позвонила мне, чтобы я не приходила, мальчику нездоровится, она сообщит, как только он поправится. Через несколько дней я снова пришла. Мальчик осунулся, был бледен и серьезен. Мать поведала мне, что произошло.

В тот день он пришел из школы потрясенный и не хотел рассказывать, что с ним случилось. У него начался жар. Наконец, рыдая, он намекнул на "открытия", которые ему преподнес товарищ по школе в столь грубых и непристойных выражениях, что у него не хватало мужества их повторить. Мать, разумеется, постаралась смягчить неприятные впечатления, но, когда мальчик заявил, что не хочет думать о ней "такое", она поняла: назрела необходимость поставить все точки над "i", хотя и несколько запоздало, объяснить все спокойно, в правильных выражениях. Мальчик еще долго был в подавленном настроении. Он не отличался повышенной впечатлительностью, но все дело в том, что его "просветил" вульгарный и невоспитанный сверстник. Родители считали его ребенком, которому еще рано знать некоторые истины, и, как обычно в таких случаях, чрезмерно оберегали его от всяких непредусмотренных потрясений и нежелательного жизненного опыта. Привело это к тому, что ему ни разу не попались ни человек, ни книга, ни событие, которые пробудили бы его любопытство, натолкнули на вопросы.

И никто не подумал, что предупредить вопросы надо именно для того, чтобы избежать не-

приятных открытий. Не нужно драматизировать события или иступленно опасаться жестокостей, о которых пишут в газетах, но и не следует допускать, чтобы дети вели себя беспечно, слушались первого попавшегося проходимца, стоит ему предложить конфетку или пообещать прокатить в машине. Короче говоря, нужно пробудить в детях бдительность.

По поводу незнакомцев, агрессивных с детьми, на мой взгляд, допустима и правдоподобная ложь. Мы можем выдать их за воров и похитителей, ибо незрелые детские умы часто не воспринимают реальной опасности, а если в редких случаях и осознают ее, то она становится для них навязчивым кошмаром.

Честность ответов

В любом случае отвечать на все вопросы детей необходимо честно и просто. Таково единственное правило, общее для всех, никаких более точных указаний я не могу дать. Принимая во внимание, что каждый ребенок не похож на другого и обстоятельства все различны, половое воспитание в школе не даст должного эффекта, если не будет опираться на серьезную поддержку в семье, где ребенка можно до конца изучить и понять. В основном должна воспитывать семья, в том числе и сексуально, и никто лучше не может выполнить эту задачу, найти более уместные слова и моменты.

Десятилетиями мы росли в атмосфере предрассудков, полупафосов, возмущенных восклицаний при виде полнокровной девочки в бикини. Нам так трудно осуществлять половое воспитание, потому что мы сами в нем нуждаемся.

И вот мы часто ходим вокруг да около, пы-

таемся слегка идеализировать или морализировать, но это абсолютно бесполезно — дети нас незамедлительно разоблачают. Когда я объясняла Тонино и Альберто, что существенным фактором для продления рода является большая любовь и она существует только в браке, они обезоружили меня следующим возражением:

— А как же Рина (наша знакомая девушка)? Беременна, но не замужем? Она еще плакала и говорила, что Антонио ее не любит? Разве насекомые не размножаются? А они друг друга не любят, тем более что женская особь часто пожирает мужскую после оплодотворения!

Познания детей в зоологии значительно облегчили мою задачу, я отбросила всякое лицемерие.

С Карлоттой дискуссия затянулась еще дольше: когда она узнала, что с наступлением половой зрелости девушка может родить ребенка, она поинтересовалась, а зачем же выходить замуж, и мне стало ясно, что детям значительно проще объяснить законы природы, по которым происходит размножение, чем социальные и исторические корни супружества.

Естественно, все мои объяснения звучали несколько абстрактно, и, как часто бывает, некоторые примеры из жизни животных дополнили половое воспитание всех троих.

Животные в доме

Из лени и эгоизма я всегда возражала против того, чтобы держать в доме животных. Не осознавала, какой они мощный воспитательный фактор. Потом я поняла, что ребенку необходимо изливать на кого-то свою нежность, любовь, о ком-то заботиться, а не только получать самому. И на-

сколько лучше, если вместо куклы или марионетки он будет лелеять живое существо, с которым можно поговорить на языке, для нас, взрослых, безвозвратно утраченном. Все это стало мне ясно, когда у нас появился кот.

История эта началась так: однажды вечером ребята, игравшие на бульваре, прибежали за молоком для бездомного котенка. Я дала молока, и они ушли. Потом меня стали просить и уговаривать пустить домой, "хотя бы на одну ночь, а то на улице холодно", бедного, брошенного котенка. Кончилось тем, что я уступила. Оказалось, это вовсе не жалкое животное, а вполне самостоятельный, подозрительного вида котик, чуть поменьше тигра. Я его не взяла, хотя ребята протестовали. Но, видимо, они почувствовали слабину и сообразили, что, если действовать умело, меня можно уломать. Несколько дней спустя они подобрали изящного тигрового котенка. На этот раз мое сопротивление было сломлено довольно быстро, и Кисик I Добрый стал родоначальником династии Кисиков, которой суждено было угаснуть с Кисиком VI Великомучеником. Он погиб при жестоких обстоятельствах, и мы так переживали, что решили не заводить больше котов. А неделю спустя появился Кисик VII.

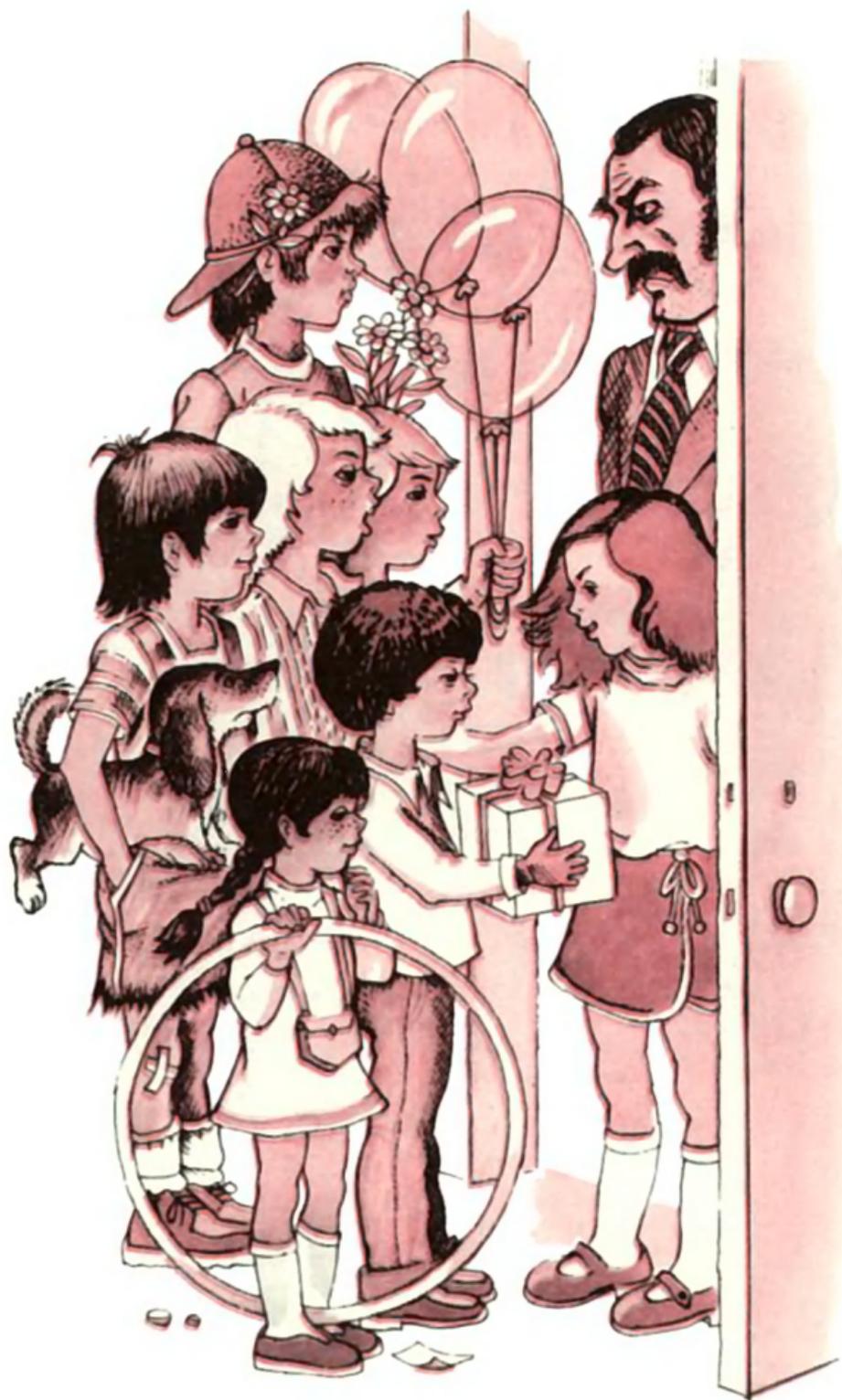
Вскоре обнаружилось, что Кисик — кошка. Дом наполнился радостным ожиданием котят, и я уже собиралась пристраивать их друзьям и родственникам, когда разразилась трагедия. Вся эта история изложена в сочинении Карлотты, в те поры пятиклассницы.

"Когда мы узнали, что у нее будут котята, мы очень обрадовались, но скоро поняли, что беременность у нее проходит тяжело и она мучается. Наверное, потому, что она кошечка молодая и маленькая, а отцом, кажется, был громадный

кот, который бродит в нашем квартале, мы его прозвали Верзилой как раз за его размеры. Киска потеряла аппетит и резвость, и вид у нее все время грустный. Три дня назад мы заметили, что ей пора рожать, у нее капнуло немного крови. Мы приготовили ей удобную постель, но вовремя не успели помешать, так что она забралась на кровать папы и мамы и родила там мертвого котенка. С этого момента ей становилось все хуже, у нее не выходили другие котята. Ветеринару удалось вынуть еще троих, все они были мертвые. Киска жестоко страдала. Был еще один котенок мертвый, но ей так и не удалось его родить, ветеринар старался изо всех сил, а она сопротивлялась, кусала и царапала маму, которая пыталась ее удержать. Но все было бесполезно. К сожалению, нашей кошке все хуже, и, если ей не станет сегодня ночью лучше, придется отдать ее на усыпление, чтобы избавить и животное, и нас от страданий”.

Так я поняла, что животные в доме полезны с педагогической точки зрения, в том числе и для полового воспитания.

4. Нескромность

ДРУЗЬЯ И ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Участие и вмешательство

Это совсем не одно и то же. Участие в эмоциональной жизни ребенка — явление положительное и равнозначно сочувствию. Вмешательство, напротив, почти всегда нескромность, оно бесполезно, а порой и вредно.

Кроме редких, исключительно угрожающих случаев, когда мы можем и должны обсудить с детьми сложившиеся взаимоотношения, не стоит проявлять антипатии к некоторым друзьям и подружкам, возмущаться их вызывающим поведением и слепым подражанием наших детей. Нужно приучиться спокойно смотреть на флирт с легкомысленными на вид приятельницами и придерживать воображение, рисующее картины мрачного будущего: споры, развод и подброшенный нам внук.

Помимо того что скромность не позволяет вмешиваться в эти деликатные дела, мы отлично знаем — наша холодность с друзьями детей вызовет только семейные споры, горькие конфликты. Сын лоялен по отношению к другу и переживает, заметив, что тот нам не понравился; с другой стороны, он болеет за нас, уважая нас, но считая, что в этом случае мы проявили отсталость и ограниченность.

Известно, что в подростковом возрасте друзья могут иметь влияние большее, чем мы. Некоторые привязанности решают для юношей все, любое житейское открытие они обсуждают с друзьями, а не с нами, мы это замечаем, если действительно знаем собственного сына, и нам

это горько. Но надо помнить, что "одержимость" друзьями и подружками часто недолговечна, их отношения претерпевают изменения, становятся более уравновешенными, или, как мы снисходительно говорим, "менее экзальтированными". Если мы нарушим права детей, это вызовет раздражение и недоумение с их стороны — отношения в семье осложнятся. Дети должны приобретать свой опыт: индивидуальность формируется не только в дружбе, но и в разочарованиях, которые она может принести.

Когда и как необходимо вмешаться

В момент разочарования, весьма вероятно, подросток будет избегать разговоров на эту тему, и тогда необходимо создать вокруг него атмосферу понимания и дружелюбия, помочь ему повзрослеть и преодолеть растерянность.

В некоторых случаях требуется наше вмешательство, и мы всегда должны быть готовы к этому. Например, сын с горечью рассказывает о ссоре или делится открытием: закадычный друг оказался лгуном и ничтожеством. Случается, речь идет о пустяках: "Не знаю, какая его (ее) муха укусила, взъелся на меня, уверяет, будто узнал, что я плохо говорил о нем (ней) в тот раз, когда..." Иногда возникают серьезные проблемы: "Знаешь эту манеру Ренцо непременно сыпать остротами, сегодня весь день он поднимал меня на смех, лишь бы блеснуть остроумием перед другими", или: "Он же знал, что я стоял в очереди за этой книгой в библиотеке, и взял ее потихоньку у меня из-под носа..."

Такого рода признания в первый момент переполняют нас ликованием: наконец-то этот ненавистный подросток, укравший у нас привя-

занность сына, разоблачил себя, и мы, проницательные родители, каковыми хотим казаться, недальновидно комментируем: "Видишь, я оказалась права!", или подливаем масла в огонь: "Неужели? Какой бестактный!", "Не удивительно при такой ехидной физиономии!", "Стоит посмотреть на его улыбку... Впечатление, что он всех готов осмеять. Мне он никогда не нравился..."

И вот мы допустили две ошибки: первое — проявили неуважение к сыну, продемонстрировав, что не считаем его способным самостоятельно, без поддержки папы с мамой, выбрать себе друга, и второе — нашими комментариями дискредитировали приятеля. Сыну хотелось услышать аргументы в его защиту, а вместо этого он нашел подтверждение собственным жестоким опасениям: дружбе и вправду конец, ее больше не спасти. Правда, нередко разговор кончается фразой: "Брось, мама, не преувеличивай!" Сын в споре с нами осознал, что именно у них с приятелем не ладится, но от этого наши промахи не стали менее значительными.

А было бы так просто, воспользовавшись нашим полезным в данном случае жизненным опытом, помочь сыну пересмотреть событие, понять, что не произошло ничего непоправимого, объяснить, в чем суть дружбы, навести на мысль о неизбежности смены настроений, напомнить существенные достоинства друга, убедить, что этот случай второстепенен. И тогда мы сделаем как раз то, чего ждал наш сын, — поможем ему сохранить дружбу. Ибо причина его смятения и горечи кроется вовсе не в пустяковой ссоре, а в боязни потерять друга.

Доверие и откровенность

Родители, которые как следует не разбираются, когда необходимо вмешаться и до какого предела можно соучаствовать в эмоциональной жизни детей, способны допустить серьезную бестактность.

Мне могут возразить, что не важно, тактичны или бестактны родители с детьми, что долг родителей и их право — знать о детях все. Но прежде всего мы должны помнить разницу между доверием и откровенностью.

Ребенок может быть убежден, что родители — его лучшие друзья, и тем не менее мало что им рассказывать. Он не любит распространяться о своих делах ни дома, ни в других местах, может быть, это вообще черта характера, свойственная всем членам семьи, людям замкнутым, привыкшим самостоятельно решать свои проблемы, не жалуясь или, как принято говорить, "не изливаясь". Сын перестает делиться с родителями, он поглощен привязанностью к другу: либо тот заметно на него влияет, пользуется у него авторитетом, либо с ним легче разговаривать.

В таких случаях часто начинают злоупотреблять родительскими правами и раздувать трагедию из каждого секрета, который дети нам не доверили. В смятении мы не отличаем доверия от откровенности, нам кажется, что если подростки подолгу секретничают, значит, непоправимо пошатнулось доверие к нам.

Здесь-то и надо пересмотреть наши прежние и настоящие позиции: если дети никогда не питали к нам доверия, мы не сумели его завоевать, то наверняка потерпим поражение сейчас, когда у подростков наступило время завязывать серьезные знакомства. Бесполезно пытаться заново перестраивать отношения на основе взаимопони-

мания, которое они уже нашли в другом месте. Если же мы всегда были друзьями своих детей и все осталось по-прежнему, нам будет понятна их потребность пооткровенничать с другом.

Подростки не могут непринужденно разделять с нами процесс самопознания — им известно, что мы их слишком хорошо знаем или пребываем в таком заблуждении, и, значит, общение с нами не сулит радостных взаимных открытий.

Обычно мы идентифицируем наше право на откровенность детей с необходимостью знать о них все, с ответственностью за них: ведь им может понадобиться наша помощь, а как помочь, если не знаешь, в чем беда. Пустые слова! Если мы всегда шли с ними рука об руку, то и сейчас будем в состоянии понять, что за трудности они переживают и по каким причинам, — такое понимание уже само по себе поддержка. Подросток, уверенный в нашей деликатности, не будет перед нами притворяться безмятежным, когда огорчен, и мы, не зная имен и фактов, все равно поможем ему своим уверенным, дружеским присутствием. Конечно, мы для него чрезмерно житейски трезвы, зато подросток не чувствует себя одиноким и может рассчитывать на нашу помощь, если обстоятельства вынудят его обратиться к нам.

В моменты безнадежного отчаяния, когда наши дети беззащитны перед страданием, спокойная домашняя обстановка, благородные взаимоотношения родителей особенно помогут им обрести уверенность, понять, что нет ничего непоправимого, послужат почвой, на которой можно возродить пошатнувшуюся было жизнь. Я не преувеличиваю, нельзя недооценивать глубину страданий подростков, таких же интенсивных, как способность радоваться и любить с полной самоотдачей. Они не признают половинчатости

и свои горести умеют выстрадать до конца.

Откровенность, потребность рассказать нам подробно, "как это было", свойственна ребенку, пока он мал и ему необходимо поделиться своим беспокойством с тем, кто поможет правильно осмыслить события. Но нельзя претендовать на откровенность подростка, который предпочитает размышлять самостоятельно и, вероятно, в одиночку мучается своими проблемами как из стыдливости, так и из возрастной самоуверенности, убежденности в том, что он может разобраться во всем сам, без помощи взрослых.

Скрытность и застенчивость

Подростки предпочитают держать некоторые события в секрете от нас — слишком трудно говорить о них в семье. Стоит рассказать о некоторых вещах, и они теряют свое очарование, воспринимаются в ином свете, утрачивают привлекательность и поэтичность. Именно искренность, с которой дети привыкли делиться с нами, становится причиной умалчивания некоторых переживаний. Ведь они привыкли говорить нам правду, а она будет звучать примерно так: "Я влюбился в Джинну", или: "Мама, пойдем в кино! Я без ума от этого актера!" Такая формулировка испортила бы все. На эти темы говорят только с друзьями или пишут в дневнике со всеми соответствующими случаю поэтическими атрибутами, скажем: "Какое счастье смотреть в открытое окно на дождь!" — фраза, которая вряд ли имела бы успех у родителей. Или задают трепетные вопросы: "Он словно не заметил меня, когда мы входили в школу, действительно ли он меня не видел?", либо: "Неужели почта затеряла письмо? Я больше ничего не получала..."

Они совершенно справедливо опасаются, что, поделившись с нами, получат трезвый ответ: "Почта работает отлично. Видимо, он не написал тебе". Порой мы бываем жестоки, то невольно, по рассеянности, то намеренно, полагая, что полезно вылить ушат холодной воды на слишком пламенные страсти.

Ребята, хотя и доверяют нам, и уверены в нашем понимании, боятся здравого смысла (которого у нас, может, вовсе и нет) и советов, продиктованных жизненным опытом: "Знаешь, дорогой, это пройдет. У меня в шестнадцать лет было то же... Первая любовь всегда так кончается. И слава богу! А то бы все переженились до восемнадцати лет, представляешь, какая была бы беда!"

Но подростки не хотят слышать, что муки неудачной любви пройдут и сменятся забвением, безразличием, они не хотят, чтобы это прошло, они еще умеют ценить щедрость страдания, знают, что насыщенность мыслей и чувств негоже пускать по ветру, нужно выстрадать все до капли, не прибегая к нашему мудрому "пройдет". С другом-сверстником, хотя он наверняка понимает их хуже нас, они могут говорить на языке, который им кажется подходящим случаем, и пересказывать друг другу наряду с реальными фактами вымышленные, пренебрегая весьма хрупкой гранью между действительностью и вымыслом. Друг без удивления выслушает, какое счастье, стоя у открытого окна, смотреть часами на дождь и мечтать, — он и сам это делает. И тот, с кем откровенничают, порой даже не близкий друг, а просто сверстник, расположенный выслушать вашего сына в момент, когда ему необходимо поразмыслить вслух. Со взрослыми такое тоже случается. Кто из нас не был свидетелем, как человек, скажем, в поезде рассказывает о своей жиз-

ни случайному попутчику и доверяет ему поразительно сокровенные, интимные вещи, изложенные несколько в романтическом духе? Ведь попутчик скоро навсегда уйдет из его жизни, и разговор с ним ни к чему не обязывает. Вот именно — не обязывает! Наши дети на определенные темы предпочитают говорить раскованно, а с нами они должны точно придерживаться событий, что нарушает удовольствие от доверительной беседы.

Бестактность родителей

Есть и другой фактор, побуждающий подростков к скрытности, — уважение к тайнам своих друзей, которые нельзя выдавать. Некоторые секреты часто касаются главным образом друга, наш сын участвует в них постольку поскольку, и рассказать о них родителям значило бы предать оказанное доверие. Со стороны нашего сына было бы непростительной бестактностью говорить об этом, а с нашей — выпрашивать.

Не считаю должным даже останавливаться на случаях, когда плохо воспитанные матери, которых, кстати, больше, чем отцов, выясняют тайны детей из их писем и дневников. Нередко бывает, что получатель письма читает его вместе с домашними. В некоторых семьях это традиция. И еще существует привычка подписывать всем вместе послание к другу семьи или родственнику. Очень милый обычай. Но когда моя племянница Луиза получает весточку от двоюродной сестры Джанны, мать вовсе не требует, чтобы письмо читалось вслух, потому что Жанна не только родственница, но и закадычная подруга Луизы, и в их переписке не говорится о событи-

ях, касающихся родственников. Точно так же было бы бестактным спрашивать: "Ты кому пишешь, Джанна? Тогда не запечатывай, дай мне приписать несколько строчек тете!"— эти несколько строчек нарушили бы секретность переписки.

Взрослые иногда допускают такую низость, как подшучивание над эмоциональным состоянием детей. Даже образованные со всех точек зрения родители разрешают себе подтрунивать над влюбленностью детей, делать лукавые намеки, разговаривать об этом в ироническом тоне со своими друзьями и родственниками. Такая невоспитанность традиционна, но от этого не менее достойна осуждения. К этой категории относится неприглядное поведение тех, кто видит в своих и чужих детях кукол, исполняющих роль взрослых, и даже невинную детскую дружбу трактует в эротическом плане: "Что это вытворяет Паолино? Он твой жених?", или: "Ах, плутишка, ты всегда играешь с Маризой! Во что вы играете? Небось в мужа и жену?"

Дети из благовоспитанной семьи, услышав такие безвкусные шутки и не зная, как их расценить, могут по-настоящему смутиться, да и те, что привыкли к подобным разговорам дома, обижаются и сердятся на родителей. Но самый серьезный вред такие речи наносят детям, которые впитывают их,— они вырастают с двусмысленным восприятием отношений со сверстниками и невосполнимо теряют радости товарищеского общения. Они становятся либо нахальными типами с комическими претензиями сердецедов, либо жеманными девчонками, уверенными, что все в них влюблены, либо, что еще хуже, заторможенными, робкими существами, которые боятся перекинуться словом со сверстником противоположного пола, дабы не спровоцировать насмешливых комментариев.

ДРУЗЬЯ И МЫ

Отношение к друзьям детей

Когда мы чрезмерно приветливы с друзьями детей и непременно хотим составить им компанию, мы наверняка назойливы. Ребятам приятно побыть без взрослых, и, как бы мы ни были радушны и остроумны, юные гости чувствуют себя стесненными в нашем присутствии. Они пришли к нашим детям, а не к нам, и поэтому лучше, чтобы мы побыли в другой комнате, а если ее нет и все теснятся на кухне или в столовой, постарались не вмешиваться в разговор, пока нас об этом не попросят. Нельзя запрещать детям выйти погулять с друзьями, потому что, совершенно очевидно, им нужно обсудить сокровенные темы.

Это элементарные нормы тактичности и хорошего воспитания, и тем не менее для многих мысль, что родители могут мешать детям, выглядит странной. А между тем здесь нет ничего странного. Мы ведь тоже частенько говорим: "Иди, иди, не мешай! Мне нужно поработать". Так вот, для них общение равнозначно нашей работе, и наше присутствие смущает, тормозит их порывы, остроумие, самоуверенность. Кроме того, нам тоже не по себе в присутствии гостей-подростков, это проявляется в неестественности нашего поведения, либо слишком авторитарного, либо снисходительно-отеческого, либо приподнято-праздничного.

Будет правильным заняться друзьями детей в том случае, если их обошли вниманием. Иногда во время общего разговора кто-то из гостей забился в угол, заброшенный и молчаливый. Надо постараться нарушить его одиночество, но деликатно, не докучая ему, ибо это наверняка роб-

кий ребенок, и наша внимание может быть для него мучительным. Стоит попытаться сориентировать иначе общий разговор и игры.

Ревность

Для некоторых родителей детская дружба — явление второстепенное, на которое не стоит тратить лишних слов. Они не верят в нее и тем самым неразумно осложняют отношения со своими детьми. "Разве кому-нибудь из них ты можешь доверять?— вопрошают они.— Все друзья корыстны, поверь мне, я-то их раскусил... Этот к тебе прилип потому, что ты помогаешь ему делать домашние уроки, не видишь, он дружит только с лучшими учениками в классе". Такие люди забыли свое отрочество, пору дружбы, они удовлетворяются поверхностными знакомствами, формальным общением с ближними и не ведают других отношений, кроме совершенно случайных или родственных.

К счастью, обычно их увещевания не принимаются всерьез, но, когда они имеют успех, дети вырастают в бесплодном, гордом одиночестве, убежденные, что вне семьи не существует искренних чувств, что дружба между сверстниками сплошная поза, фальшь и притворство. Они не верят, что можно всерьез огорчиться неприятностям своего друга или разделить с ним радость. Вероятно, эти дети будут меньше страдать, но зато и меньше радоваться — их ждет убогая жизнь.

Некоторым взрослым удается систематически игнорировать дружбу детей, в этом играют роль две одинаково достойные осуждения причины: первая — все та же лень, которая заставляет нас стареть, ни на что не реагируя, до-

вольствуясь серым, плоским видением окружающего; вторая — ревность, боязнь потерять привязанность собственных детей.

Ревность — очень серьезное заблуждение, в каком бы виде она ни проявлялась, даже если ее пытаются замаскировать. Она унижает нас как в глазах детей, так и в наших собственных, бессмысленно терзает всех: и нас, и детей, и их друзей.

Когда нас обуревают ревность (друзья занимают слишком много места в сердцах детей!), можно утешиться мыслью, что, коль скоро мы их хорошо воспитали, нет опасности, что дружба и влюбленность отдалят их от нас больше, чем то диктуют естественные законы природы. Они всегда будут признавать в нас своих лучших друзей, даже если сверстники знают больше нас, более спортивны и занимательны. Постараемся не разрушить неосторожным словом, едким, ироническим замечанием атмосферы взаимного уважения, ибо подростки, когда дело касается дружбы, максималисты. Они не расположены признавать наши ошибки и становятся на сторону друзей, как только мы унижаемся до мелочных агрессивных выпадов, которые создают опасный раскол между нами и детьми.

Друзья, вызывающие беспокойство

Итак, мы убедились, что в отрочестве дружба приобретает большое, я бы даже сказала, чрезмерное значение.

Пока наши дети малы, все эти крошки с косичками и челочками, которые приходят в дом и квохчут во всех комнатах, все эти толстенькие карапузы, напоминающие цыплят, еще сохранивших форму яйца, словно бы в какой-то

мере наши дети: стоит им ушибиться, мы их утешаем, мы учим их интересным играм, пользуемся своим авторитетом, чтобы прекратить слишком возбужденную беготню или злоупотребление сладостями за завтраком.

Но вот наши дети миновали пору детства и приводят в дом незнакомых приятелей. Часто ими оказываются те самые бывшие карапузы и крошки, которые превратились в веснушчатых долговязых подростков или барышень с замысловатыми прическами. Порой это совершенно неизвестные личности, изрекающие категорические суждения об актуальных событиях, о которых мы не имеем представления. Девушки на высоких каблуках по полчаса болтают с нашей дочерью в подъезде, а тем временем стынет обед.

Если друзья симпатичные, воспитанные ребята, то обычно и мы рады, когда они заходят, привязываемся к ним, и все хорошо. Хуже, если они нам не нравятся, а это случается довольно часто: при виде бесформенных свитеров, растрепанных грив мы опасаемся, что сын попал в дурную компанию. А девочки, раскачивающие бедрами в своих слишком узких брюках! Рано утром они выходят покупать молоко в сандалиях золотого цвета, зловеще подкрашенные: лицо под белой пудрой, на губах кровавая помада. Мы невольно принимаем их за прожженных девиц: пусть уж наша дочь лучше гуляет с соседкой напротив, черноволосой домовитой девочкой, несколько занудливой, но зато она не играет по вечерам на бульваре, не мчится на велосипеде к реке в сопровождении стайки шумных мальчишек.

Наше родительское сердце страдает старомодностью и конформизмом — нас привлекает благопристойная внешность, настораживает неопрятность и эксцентричность в одежде. Вероятно,

другие родители осуждают точно так же наших детей, но мы-то знаем, что они отличные ребята. Например, Альберто, хотя он вечно путает правый и левый ботинок, Тонино, хотя он не отличает зимние вещи от летних и способен выйти среди зимы на улицу в полотняных брюках и майке, Карлотта, хотя она не снимает круглый год брюк и блузки, а садится преимущественно на столы или на землю. Как знать, какое они производят впечатление на тех, кто встречает по одежке. И тем не менее мы бы обиделись, узнав, что чужие родители относятся к ним недоверчиво, как мы к друзьям своих детей. С другой стороны, если вдуматься, это недоверие, пожалуй, слегка оправданно: нигде не сказано, что заходить в чужой дом в таком виде, как наши дети,— признак хорошего воспитания, а хороший вкус диктует эксцентрическую внешность. Однако мы убеждены: речь идет о несущественных, возрастных отклонениях. Пугающие манеры, несусветные девичьи прически, жаргон, приводящий нас в ужас,— все это безобидное, временное явление, скорей всего, стремление подражать какому-нибудь популярному спортсмену или киноактеру. Вспомним, сколько славных ребят нашего поколения увлекались тем же самым, а взрослые не понимали их — вышучивали или возмущались.

Дурные компании

Дети ни с того ни с сего не связываются с дурной компанией, мы отлично знаем, что ни одна проблема не возникает на пустом месте, она непременно уходит корнями в прошлое. Знаем, что воспитание ребенка началось с появлением его на свет, мы воспитывали его добросовестно по мере наших сил и возможностей, и он на-

верняка способен отличить существенное от несущественного, честность и принципиальность от приспособленчества и, стало быть, сумеет выбрать себе друзей. Может случиться, что дети на какой-то период поддадутся влиянию личностей, не схожих с ними,— сорванца, кокетки,— их привлечет само различие. Иногда они могут принять наивную саморекламу, а порой, к сожалению, и чистой воды непорядочность за проявление индивидуальности.

Но пройдет время, и наносное в основном отпадет, наши дети расстанутся с теми, кто их разочаровал, сохранят дружбу с ребятами, которые серьезно учатся и работают, хотя и не отказались от ухарских манер, ставших, вот беда, предметом подражания для наших детей. И все же они никогда не преступят определенных границ, ибо полученное воспитание сориентировало их (пока не очень устойчиво), определило запросы и несовместимости.

Я вовсе не сторонница розового оптимизма. Несмотря на хорошее воспитание, подростки иногда поддаются под влияние группы сверстников и участвуют в недостойных деяниях и поступках, то ли из боязни показаться трусами, то ли считая неблаговидное поведение приемлемым, поскольку групповая ответственность кажется менее ощутимой. Но по большей части мальчик ведет себя плохо, потому что не получил должного воспитания.

В таком случае необходимо суровое вмешательство и самые радикальные средства наказания. Конечно, это прорыв в системе воспитания, обусловленный теми самыми ошибками, которые мы до сих пор перечисляли: вспыльчивостью, превышением власти, годами лени и эгоизма. За наказанием должна незамедлительно следовать активная воспитательная работа, которую

мы упустили на протяжении многих лет.

Теперь эта работа стала более трудоемкой и тягостной, необходимо самим преодолеть лень и эгоизм, внушить детям понятие о духовных ценностях, которые сами порой утратили, постараться понять, что представляют собой эти юноши, что подталкивает их в определенном направлении, почему и отчего наш сын вступил на такой путь, меру нашей и чужой ответственности за это. "Не наша вина!" — ноем мы, пеняем на улицу, школу, отсутствие идеалов (а куда же делись наши идеалы?) и считаем себя жертвами.

Сознаемся, что именно на нас падает ответственность, если талантливый, своеобразный индивидуум, каковым является наш сын, вырастет пустым созерцателем и потребителем.

Сын — воспитатель

Значительно чаще, чем можно предположить, дети оказывают влияние на воспитание родителей. Последним в таком случае необходим достаточный запас смирения, чтобы признать за детьми это право и добровольно поддаться этому оздоровительному курсу.

Скажем, мальчик растет в семье в атмосфере бездуховности, приспособленчества, отсутствия идеалов. То самое противление конформизму, которое приводит некоторых ребят в компанию юных авантюристов с наклонностями к бандитизму, может привести других, к счастью не ленивых и не безразличных в отличие от их родителей, к друзьям, которым свойственно размышлять, критически осмысливать события, надеяться, строить планы, проявлять солидарность. Благодаря друзьям дети, привыкшие исключительно к вестернам и развлекательным телепередачам,

приучатся смотреть антифашистские фильмы, читать газеты с четкой политической позицией, пользоваться книгами, которые действительно чему-то учат и помогают многое понять.

В общении с друзьями мальчик осознает, что привычная чередка однообразных дней и попытки изредка оторваться от этой рутины, как заведено в его семье, не соответствуют истинному смыслу жизни. Он заговорит об этом дома, и, быть может, родители с ним согласятся, если еще не утратили самокритичности, поймут, чем обделили сына и что он может сделать для них и для себя.

Воспитательная функция дружбы

Мы все помним, какие интеллектуальные и моральные горизонты открыли перед нами в свое время новые друзья, обретенные в школе, на отдыхе, на работе. Даже разочарования воспитывали, способствовали повзрослению, излечивали от поверхностных восторгов.

У друзей наших детей другой опыт, другие привычки, другое отношение к окружающему, иные условия жизни и традиции, чем у нас в семье. Все это взаимно обогащает детей, помогает преодолеть ограниченность определенной обстановки, определенной профессии.

И еще, в отличие от родителей друзья непримиримы. Мы всегда готовы не заметить подлость, закрыть на нее глаза, "на этот раз" простить. Они не прощают и отказывают в дружбе тому, кто не оправдал надежд, обманул доверие, — наступает разрыв, по большей части окончательный, хотя иногда можно слегка подлатать отношения, еще реже — полностью их восстановить.

Представим теперь, как может быть полезна дружба с правильно воспитанным сверстником для мальчика неуверенного в себе, выросшего в семье, проникнутой идеей непогрешимости родителей.

Вернемся к Роберто.

Он бывает в доме, куда летом съезжаются наши многочисленные племянники и их друзья, он дружен со всеми, но особенно любит Франческо, олицетворение того, каким хотел бы быть сам и что ему пока не удается. Франческо для него — воплощение надежды, символ раскрепощения, доказательство того, что можно жить свободно и счастливо. Общаясь с ним, Роберто начинает верить в осуществимость мечтаний, которые считал утопическими, ибо Франческо с предельной естественностью совершает "необычные" поступки. Скажем, приезжает сюда из Неаполя один или с сестрой Джанной. Они открывают дом, сами себе готовят, сами все покупают. Живут одни, не допускают промахов, не подвергаются опасности, все у них идет ладно, они толковые, энергичные, уверенные. Приглашают к себе друзей, которые им нравятся, в том числе и Роберто. Может, и ему когда-нибудь удастся достичь такой независимости, раз она явь, а не сон.

ДЕТИ И МЫ

Интеллектуальная жизнь детей

Говоря об отношениях между родителями и детьми, принято пользоваться глаголом "давать": родители дают детям и то, и это, родители самоотреченно любят. Это явление бесспорно положительное, во-первых, оно естественно, во-вторых,

плодотворно и щедро одаряет душевным теплом. Принести себя в жертву детям на словах способны все, а вот участвовать в их жизни, духовно расти, открывать с ними мир — добродетель немногих, которые умеют идентифицировать себя с детьми, не теряя при этом собственной индивидуальности, а, напротив, даже обогащая ее.

Идентифицировать себя с детьми вовсе не значит всего лишь обращаться к собственному багажу воспоминаний и пытаться избавить детей от того, что нам было неприятно, и обеспечить им то, что доставляло нам радость.

Нужно постоянно помнить, что между ними и нами произошла смена поколений, прошел промежуток времени, с нашей точки зрения, короткий, с их — длинный, для них наше детство — очень далекая пора, тогда люди одевались иначе, не было ни холодильников, ни телевизоров и не началась еще вторая мировая война. Нам, если помните, таким же далеким представлялось детство наших родителей.

Чтобы участвовать в жизни детей, нужно прежде всего спокойно, без предрассудков воспринимать непрестанные изменения, которые нарушают наши привычки, подрывают наши устои. Это — нелегко.

Скажем, трудно сразу же освоить новые термины, возникающие в области культуры. Ребята сразу понимают, что значит то или иное выражение, ибо они дети своего времени и более восприимчивы к актуальным проблемам.

Все это трудно еще и потому, что у нас не только меньше свободного времени, чем у детей, но и меньше психологической гибкости, мы не успеваем за всеми вновь выходящими книгами, фильмами, пластинками, за всеми событиями в международной политике и культуре. Наши

дети воспринимают все это целиком. Мы — только частично, зато наш возраст предоставляет нам преимущество: наше видение более упорядоченно и обобщенно, и поэтому мы можем обсуждать наиболее интересные актуальные проблемы, не будучи в курсе всех подробностей, не просмотрев всех спектаклей, не прочтя всех книг и газет, которыми дети заполнили дом.

Таким образом, мы не отстаем от них, что было бы, с одной стороны, весьма печально для нас, с другой — не великодушно по отношению к детям, нуждающимся в нашей дружбе и участии, жаждущим сохранять к нам доверие. Для этого требуются определенные усилия и даже некоторое самопожертвование, которое окупается нашим духовным обогащением и, главное, взаимопониманием с детьми.

Если же у ребенка склонность к какому-нибудь виду искусства, наша задача еще труднее, поскольку придется искать устойчивое равновесие между соблазном считать его вундеркиндом и скептицизмом, который подсказывает, что его артистическая деятельность всего-навсего скоропелые бойкие экзерсисы. Скептицизм весьма опасен, он говорит о неверии в возможность неординарных явлений, неверие, которое, быть может, в прошлом помешало нам всерьез отнестись к нашим собственным способностям рисовать или петь и побудило найти "серьезную" работу. Постараемся уберечь нашего ребенка от повторения наших ошибок, из-за которых потенциальный художник становится дилетантом. В этом случае наше участие должно быть соразмерно тому, какое значение придает своим склонностям сам ребенок.

Игра

Способность родителей участвовать в жизни детей проявляется в отношении к играм. Есть взрослые, которые даже не понимают, что ребенок, прежде чем отозваться на наш зов, должен закончить игру или по крайней мере часть ее, чтобы не подвести товарищей. Эти взрослые не знают, что в играх отражается личность ребенка, что они — показатель и педагогического уровня родителей.

Порой игра — первая фаза более серьезной деятельности. Листы бумаги, а иногда и стены, изрисованные каракулями, могут быть симптомом художественных склонностей, карманы, набитые гусеницами и лягушатами — первым шагом на пути к научному исследованию. Некоторые родители воспринимают эту деятельность с привычным высокомерием. Нередки случаи, когда к детским увлечениям относятся всерьез, помогают детям, достают материал для коллекции или для экспериментов. Но по-настоящему участвовать в играх детей способны немногие.

Большинство родителей умеют "налаживать" детские игры, терпеливо забавляют детей, знают, когда им необходимо помочь, а когда они могут обойтись сами. Короче говоря, они способны развлекать детей, преимущественно малышей. Это существенное качество, но вполне рядовое, оно встречается у всех взрослых (независимо от того, родители они или нет), которые любят детей. Порой, желая добиться расположения, взрослые позволяют детям "издеваться" над собой: бегают на четвереньках по всей квартире, а дети, сидя на них верхом, с воплями их подгоняют. Я видела, как один человек благодушно улыбался, когда ребенок вылил ему на голову сметану. Эти люди готовы на все, лишь бы развлечь детей, но

те вовсе не принимают их всерьез. Как правило, родители не опускаются до столь "низменных" забав, не стремятся играть с детьми, а лишь организуют им игры. К тому же забота эта скоропроходящая, ребенок подрастет, и взрослые предпочтут, чтобы он играл со сверстниками, или устроят его перед телевизором: так он сидит спокойно и им не мешает.

Необычное свойство — уметь играть с детьми всерьез, не теряя достоинства и не сюсюкая. Например, ребенок восхищается умением взрослых строить замки из песка, но воспринимает как друга только того, кто ожесточенно старается построить замок лучше, соревнуясь с ребенком, ибо этот взрослый принимает серьезность игры и участвует в ней с тем же энтузиазмом, что и ребенок.

Мне не удастся играть во все игры моих детей, многие из них для меня слишком трудны, а мой муж может участвовать почти во всех. Они, например, часами, склонившись над ручьем, запускают деревянные кораблики с самыми затейливыми названиями. Это прекрасная игра со сложными правилами, но я не могу даже объяснить их — в этом вопросе я непоправимо взрослая. В других играх, напротив, я участвую с удовольствием. Это неведомые миру игры — плод коллективного семейного творчества, в которых мы с Карлоттой неизменно занимаем последние места.

Привычки

К сожалению, не так уж часто можно спокойно и весело провести несколько часов вместе, наслаждаясь семейным теплом — эта избитая мысль не утратила своей истинности. И все-таки

непонятно, откуда берется столько родителей, которые развлекаются отдельно от детей, даже, точнее сказать, не развлекаются, а проводят свободное время, что довольно спорное развлечение. Вероятно, общение с детьми представляет для них повседневную рутину, обыденщину, от которой хотят избавиться, отправляясь вечером погулять с какой-нибудь супружеской парой или сидя перед телевизором.

Эти люди, с одной стороны, не молоды, с другой — не достигли зрелости. Они не понимают, что скука и рутина коренятся в них самих, а не в присутствии детей. Напротив, компания детей — это вечно новый опыт, который спасает от монотонности и дает возможность воспринимать мир по-новому, по-молодому, сохраняя жизнеспособность и энтузиазм, при условии что преодолешь собственный эгоизм и будешь участвовать во всех сторонах жизни детей.

Когда дети нас стесняются

Надо мужественно признаться, хотя это тягостно и горько, что иногда дети стесняются родителей. Они боятся, что в определенных обстоятельствах мы поведем себя недостойно, и причиной тому не только неприятности, которые из этого могут проистекать для них, но и любовь к нам. Им не хочется, чтобы о нас плохо подумали даже те, чьим мнением они, казалось бы, пренебрегают.

Это серьезный аргумент, мы сами храним неизгладимые, жгучие воспоминания об ошибках наших родителей. Ошибки, допущенные нами, будут столь же существенными для наших детей.

”Ну как можно, — возразит мне кто-нибудь, — взвешивать каждое слово, каждый жест?” Ес-

тественно, в этом нет необходимости, достаточно неизменно принимать во внимание впечатлительность детей, чтобы не оскорбить их своим неуместным поведением. Хотя иногда они и огорчаются понапрасну или не по существу, но обычно — правы.

Наступает день, когда наш сын говорит: "Нечего тебе ходить к учителю!" Эта новость нас поражает, мы просим разъяснений. "Брось!— говорит сын.— Не теряй зря времени и не отнимай его у других!" Сам тон — нетерпимый и пренебрежительный — подсказывает нам: ему неприятно наше присутствие в школе.

Он, подросток, чувствует себя взрослым, вмешательство родителей в школьные и внешкольные дела для него противоестественно. У него свои собственные мысли и проблемы, мелкие и крупные конфликты, огорчения и радости, из которых мы сейчас исключены. Некоторое время подросток ориентируется в основном на деловую обстановку, на круг друзей, короче говоря, на внесемейное окружение, которое формирует его, там он чувствует себя настоящим, а мы это игнорируем. Мы знаем нашего сына таким, какой он дома, где прошло его детство, где каждый угол, каждый предмет хранит память о каком-нибудь событии: здесь он ушиб голову, эту софу он называл "буфа". Это родная нам обстановка, и мы по привычке считаем, что ребенок ее воспринимает так же, а на самом деле она теперь для него нечто второстепенное, как воспоминание о далеком детстве, которое для нас навсегда остается близким.

И вот мы приходим в школу. Он уже предвидит, что каждая наша фраза в разговоре с учителем лишь частично будет соответствовать истине.

"Вы знаете, он такой впечатлительный маль-

чик!”, ”Моя дочь на редкость застенчива!”, ”Она всегда любила читать! В девять лет прочла за день роман...”, ”Она такая хрупкая... только что сформировалась...”

Для нашего ребенка все это — банальность, пустые слова, не имеющие ничего общего с полнотой его существования в теперешнем возрасте. Наше присутствие в местах, которые он посещает, его тревожит, он боится, что мы поведем себя неверно.

Помню, однажды в школе мы организовали праздник. Мои ученицы очень активно участвовали в украшении помещения. Были приглашены родители, и среди них я не находила матери одной моей ученицы, с которой собиралась поговорить. Я спросила о ней у девочки. С нотками вызова в голосе она пояснила:

— Мамы здесь нет. Я ей не велела приходить. Сказала, что родителям нельзя.

Нетерпимость наших детей распространяется на наше поведение и в обстановке, ничего общего с ними не имеющей. Можно подумать, что иным детям нечего больше делать, как подкарауливать отцовские и материнские промахи! И часто правда на их стороне. Например, неловкость, которую они испытывают, когда взрослые ругаются в поезде или других общественных местах, совершенно оправданна. Мы тоже много лет назад испытывали раздражение, смешанное со стыдом, за невоздержанность домашних и солидарность с противоположной стороной, правоту которой признавали или, уж во всяком случае, не преувеличивали ее вины. Мы не знали, какую позицию занять: сохранять нейтралитет нельзя, а поддерживать этого разъяренного чужого человека, которым видится отец, невозможно.

Мои дети всегда опасаются, что я затею спор в поезде или с соседями по дому, хотя я этого

никогда и не делала. Малышами они боялись, как бы я не вмешалась в их конфликты во время игры на бульваре или во дворе, как те матери и бабушки, которые смешивали друг друга с грязью, высунувшись из окон, а все остальные жильцы дома образовывали вокруг них враждебные группировки. Ругань и пререкания не прекращались даже тогда, когда повздорившие мальши мирились и растерянно, изумленно смотрели на распоясавшихся взрослых. Волнение моей троицы было неоправданным, ибо я всего один раз позволила себе нечто большее, чем угрожающее ворчание, и никогда этого впредь не повторю. Они всей компанией играли в футбол, как всегда пренебрегая возмущением незначительного меньшинства жильцов, которые вопреки здравому смыслу упорно пытаются сохранить клумбы запыленных гортензий во дворе, где переизбыток детей, нуждающихся в пространстве для игр. У них произошло небольшое столкновение с молодым синьором Б., который имеет обыкновение в праздничные дни ставить во дворе свою малолитражку и заниматься ремонтом, лежа под ней. Мальчишки попали ему мячом то ли в голову, то ли в машину, скорее всего, в машину, судя по его чрезмерно бурной реакции. Я сочла необходимым вступить, заметив с изысканной беспристрастностью, что можно было бы вывесить расписание и пользоваться в воскресенье двором по сменам. Никогда не забуду возмущения, с которым ребята одернули меня:

— Перестань, мама! Ты прекрасно знаешь, что синьор Б. прав!

Я почувствовала, насколько меня отдаляет от детей свойственная взрослым ограниченность мышления; они уважали правила игры и право каждого развлекаться.

Другой повод для смущения взрослые дают

детям, вступая в разговор с незнакомыми людьми в гостинице, в поезде, в магазинах, лишь бы только поболтать, приукрашивая и преувеличивая при этом излагаемые события ради саморекламы или для красного словца. Припоминаю, как однажды в поезде молодая синьора монополизировала внимание всего купе, рассказывая чудеса про фешенебельный курорт, где провела отпуск, и помню выражение лица ее дочери, худенькой девочки с косичками, покрасневшей от возмущения до корней волос. Еще хуже, когда взрослые используют в качестве темы для разговора самого ребенка. Пусть даже они говорят чистую правду, но, не спросив на то разрешения, допускают тем самым бестактность.

Назойливость

По существу, мы беспрестанно, хотя и ненамеренно бываем назойливы. Желательно избегать этого и помалкивать, коль скоро есть хоть тень сомнения, что мы можем допустить бестактность. В этом довольно трудно преуспеть, поскольку неправильно понятое чувство долга и ответственности побуждает нас вмешиваться в дела детей, настаивать, шантажировать, ходить вокруг да около, пока они с нами не поделятся. И вот тайна нарушена, прелесть ее пропала, обе стороны огорчены и разочарованы. Или мы замечаем, что посягнули на тайну ребенка зря, и завершаем тягостный диалог, стесняясь, что употребили слишком сильные выражения и укоры, непропорциональные случаю.

У меня произошло подобное с Карлоттой, когда ей было девять лет. Перед сном отец напомнил ей, что надо почистить зубы. Она пошла в своей пижамке, подпрыгивая, к ванной и вне-

запно остановилась:

— Послушай, мам...

— Что?

— Нет, ничего... Я хотела спросить у тебя одну вещь, но передумала, я все равно уже уверена.

— В чем?

— Ни в чем, я подумала одну плохую вещь и теперь постараюсь забыть ее.

— Плохую? — начала я беспокоиться. — Ты задумалась о чем-нибудь? Тебе что-то сказали?

Я понимала, что ступаю на опасный путь, но была слишком взволнованна, чтобы отступать.

— Нет, мама, у меня была одна ужасная мысль, лучше об этом не думать, — и пошла в ванную.

Когда она возвращалась, я снова начала исподволь:

— Послушай, я не хочу быть назойливой, но если тебя мучает дурная мысль, может, я могу помочь? Тебе рассказали или ты увидела что-нибудь неприятное, чего стыдишься?

— Да, я стыжусь. Но никто мне ничего не говорил, я сама себе представила. А потом подумала, что ошибаюсь и что моя мысль слишком ужасна, мне стало стыдно, что я так подумала. Лучшее, что ты можешь сделать для меня, — помочь забыть об этом, — заключила она спокойно.

Карлотта даже не представляла себе драматичности некоторых выражений, почерпнутых из книг, и считала, что их можно запросто употреблять в разговорной речи. Ее спокойные глаза и спокойный голос в сочетании с такими словами потрясли меня, я не сомневалась: дочь обуревают мысли и эмоции, серьезности которых она и не понимает. Я немилосердно настаивала, убеждала, что исповедь принесет заметное облегчение. Она

просияла:

— Так ты говоришь, если я тебе признаюсь, мне станет легче?

— Конечно!

— Тогда слушай! Я подумала: папа всегда посылает меня чистить зубы, а сам-то он их чистит? Потом я вспомнила, что видела, как он их чистит.

И пошла спать, как всегда растрепанная и веселая, а я медленно приходила в себя, не зная, то ли смеяться, то ли искать оправданий отсутствию у меня самообладания. Как я могла забыть, что серьезные проблемы Карлотта всегда обсуждает со мной?

Излишняя деликатность

Случается, что мы кривим душой и выдаем за деликатность ее суррогат — стремление отделаться от того, что нам в тягость. Нам не хочется сопровождать детей в кино? И оправдание готово: они же самостоятельные, достаточно взрослые, чтобы сходить туда самим. У нас нет желания разговаривать с учительницей? Мы уверены, что ребенок сам не хочет этого разговора? Вот мы и воздерживаемся от проявления бестактности.

А на самом деле ребенку хотелось бы пойти в кино с нами, ему нравится наше общество значительно больше, чем мы можем себе представить, ему доставляет удовольствие наш интерес к школьным делам и наши дружеские отношения с симпатичной учительницей.

Мы порой не замечаем, что дети хотят нашего общества, но они тоже деликатны и понимают, что нельзя настаивать. Это качество мы, как правило, не принимаем во внимание, поскольку знаем, с каким упорством дети обычно добиваются

своего, вынуждая нас уступать. И тем не менее деликатность проявляется у них в самых неожиданных обстоятельствах. Я столкнулась с этим во время рождественских праздников, и опыт был весьма поучительным.

Накануне каникул Карлотта мне сказала:

— Если хочешь посмотреть, как красиво мы украсили класс, то приходи сегодня, учительница предупредила, что можно прийти в полчетвертого.

— Не знаю, смогу ли я в это время, но постараюсь.

По правде говоря, идти мне не хотелось — шел снег.

— Ладно, если сможешь, приходи, а не сможешь — не надо.

К трем часам снегопад прекратился, и я все-таки пошла.

В классе были все сорок пять учениц, одинаково одетые, в белых передниках с голубыми бантами. Мне не сразу удалось выделить из них Карлотту, наконец я заметила ее на второй парте и увидела совсем другой, словно со стороны, не единственной очаровательной девочкой, какой мы считаем ее дома, а одной из многих таких же милостивых одноклассниц.

По сигналу учительницы девочки сели и начали петь рождественские и другие довольно сложные песенки. Дочь никогда мне об этом не рассказывала. Класс был украшен блестящими игрушками, среди которых я узнала наши. Карлотта просила разрешения взять их, ничего не объяснив.

Присутствовали многие матери. Значит, это был сюрприз, догадалась я, наблюдая, как Карлотта переводит сияющий взгляд с меня на учительницу. Только сейчас я поняла, сколь глубока связь учительницы с ученицами, сколь привя-

зана моя дочь к школе, и именно в этом теперь проявляется ее личная жизнь, индивидуальность, которую я в основном не принимала всерьез.

— Как хорошо ты, мама, сделала, что пришла, — порадовалась Карлотта, когда мы возвращались домой и она вприпрыжку бежала рядом со мной по улице.

— Я не знала, что у вас такой замечательный праздник и что тебе он так нравится. Почему ты мне ничего не говорила?

— Зачем же, я бы испортила сюрприз. Я и так знала, что если ты сможешь, то непременно придешь.

Этот разговор научил меня двум истинам: первое — наши дети хотят нашего присутствия чаще, чем мы предполагаем, и, доверяя нам, считают, что мы сможем угадать их желания. Они уверены, что достаточно нас позвать, и мы придем, если будет малейшая возможность, поскольку всегда хотим быть с ними. И второе — дети убеждены, что у нас действительно очень важные дела и мы не можем посвящать им больше времени и внимания, чем это делаем. Они верят, точнее, мы их заставили верить, что непрочитанная газета или ненатертый пол — непреодолимые препятствия для нашего общения.

Наше присутствие

Может быть, предыдущее утверждение вступает в противоречие со всем, что я до сих пор говорила. Но мы знаем — ничто нельзя возводить в абсолют, что нет правил без исключения, что отношения родителей с детьми в каждой семье складываются по-разному, что идентичные на первый взгляд проблемы разрешаются различными способами.

Посему, хотя и нужно стараться не быть бестактным, не следует, однако, слишком опасаться помешать детям: они, по крайней мере до определенного возраста, жаждут нашего присутствия и счастливы, когда мы рядом с ними. Какой смысл лишать как их, так и себя этого счастья! Нужно удовлетворять по возможности их желания, пока это им нужно, ибо порог отрочества близок и они захотят переступить его самостоятельно в поисках нового жизненного опыта, новых лиц.

Сложно уловить момент, когда необходимо спрашивать "разрешения" на наше присутствие. Но мы сумеем и угадать его, и смириться с ним, если не будем эгоистичны, хотя нам и кажется невозможным отказаться от восхитительной близости с ребенком, который рассказывает нам о событиях в школе, или горестно делится подробностями ссоры со своим другом, или настаивает, чтобы мы купались вместе, словно наше присутствие придает завершенность его счастливому общению с морем.

До сих пор вопрос "Когда наши дети хотят нашего присутствия, а когда его отвергают?" остается открытым. Думаю, ответ таков: нашего присутствия они никогда не отвергают, всегда принимают его с радостью. Главное, чтобы оно не воспринималось как тягостное ограничение их свободы. Поэтому нужно постоянно быть настороже, изучать и познавать своего ребенка, да и самих себя, чтобы в каждом частном случае понять, нужно ли проявление нашей дружбы или достаточно молчаливого присутствия.

5. Принципиальность

УМАЛЧИВАНИЕ — ОШИБКА

Семья и общество

Воспитание детей является результатом человеческой деятельности и тесно связано с конкретной исторической эпохой и социальным строем. Каждое поколение людей призвано обеспечить предпосылки для более счастливой жизни своих потомков. Но жить счастливо вовсе не значит безгранично располагать всевозможным комфортом, различными наземными и водными средствами передвижения в соответствии с последней модой и т. д.

Благосостояние, удовлетворение мимолетных прихотей, различные привилегии не имеют ни малейшего значения для становления истинно свободной личности, каковым мы хотим видеть нашего ребенка. Счастливый человек прежде всего осознает свое человеческое и социальное назначение, свою роль в обществе, короче говоря, сознательно выполняет обязанности гражданина: стремится улучшить жизнь, условия труда в соответствии с коллективными и индивидуальными запросами. Человек, не осознающий своей социальной функции, приспособляется к любой ситуации, извлекает из нее выгоду в обмен на собственное беспринципное поведение.

Интенсивный ритм общественных перемен неизбежно затрагивает семейную жизнь, усложняет отношения родителей с детьми, стимулирует у молодежи такие запросы и склонности, которые не всегда легко понять и разделить. В наше время дети, как правило, более образованны, чем родители, и этот факт в сочетании с моло-

достью помогает им быстрее улавливать и воспринимать стремительные изменения в обществе, так что они опережают родителей, оказываются отгорожены от них пропастью не в поколение, а в целую эпоху.

Наш долг — попытаться заполнить эту пропасть, помочь детям найти устойчивую позицию в окружающем мире, среди зыбких противоречий, не позволить головокружительному ритму жизни опрокинуть их: они быстро улавливают нюансы, но слишком часто не способны сделать сознательный выбор.

Конечно, нашу аргументацию нельзя механически обобщать, помня, что каждая семья — особый случай и любая попытка схематизировать без учета индивидуальных особенностей неприемлема. Однако весьма важно придерживаться правила, общего для всех: не скрывать от детей своих убеждений и принципов. Иначе ребенок может воспринять идеи по большей части менее благородные, чем наши. Другие люди прибегнут к действенным средствам, перед которыми наш ребенок окажется беззащитен, потому что мы не привили ему никакого иммунитета.

Здесь нам поможет опыт собственной юности, когда многие соприкоснулись с фашизмом или по крайней мере пассивно претерпевали его воздействие в школе (парады в униформе) и не располагали возможностью укрыться от этого потока напыщенной пропаганды. Родители многих наших сверстников были антифашистами. Почему же они не натолкнули детей на размышления, на дискуссию, на критику? Только чтобы уберечь их от опасности?

Количество демократически настроенных родителей, не сумевших воспитать из детей антифашистов, к сожалению, и в наши дни не уменьшилось. Прикрываясь речами о свободе выбора,

о своем нежелании навязывать детям родительский образ мыслей, они пытаются облегчить детям так называемое восхождение в обществе либо оградить их от того, что пережили сами. Из моего преподавательского опыта я знаю, что многие родители, активные деятели прогрессивных партий, не стремятся дать детям демократического воспитания.

А если и делают это, то часто допускают ошибки: первое — догматизм, в силу которого ребенок не имеет права спорить, что смущает и разочаровывает его; второе — теоретизирование, которое в повседневной жизни ничем практически не подтверждается, и ребенок растет свидетелем вопиющего противоречия слова с делом.

Принуждение и умалчивание — две крайности, а между ними есть такие полезные средства воспитания, как привычка убеждать и объяснять, обсуждать и, что особенно важно, самому быть последовательным. Дети, видя, что родители достойно и последовательно придерживаются определенных принципов, сами становятся их сторонниками.

Теория

Чтобы понять некоторые принципы, необходимо услышать их четко сформулированными. Мы должны знакомить наших детей как с практикой, так и с теорией, не ограничиваясь одними действиями, доступно объяснять некоторые аспекты общественной жизни.

Мне случалось много раз рассказывать в классе об актуальных событиях, о недавнем прошлом, и я наблюдала, что по большей части ученики не в состоянии связать их с семейной хроникой. Слишком часто ребята не способны

ассоциировать, например, факт, что "отец во время войны был в горах", с Сопротивлением, о котором они с удовольствием слушают, но считают его далеким прошлым, ничего общего не имеющим с сегодняшним днем.

Помню, однажды в классе я рассказала о драматическом событии, которое произошло в 1944 году. Меня слушали с интересом, но мои акции подскочили на следующий день, когда одна из учениц громко и взволнованно сказала: "Знаете, синьора, история, что вы вчера рассказали, настоящая! Мама об этом знала, там был мой дядя, он как раз один из тех партизан, о которых вы говорили..." Весь класс был поражен и восхищен. Из этого эпизода я сделала два вывода: первый, довольно унижительный для себя, — ученики обычно мало верят в подлинность моих повествований, второй, конструктивный, — необходимо привлечь к сотрудничеству хотя бы те семьи, которые считают своим долгом делиться с детьми воспоминаниями, объяснять им смысл своего жизненного опыта. Тогда дети не будут разделять свой умственный багаж на две изолированные части и научатся увязывать знания, полученные в школе, с действительностью.

Практика

Еще чаще встречается другая ошибка: чрезмерное теоретизирование, не подкрепленное соответствующим поведением. Некоторые с большой страстью и убежденностью декларируют свои принципы, но редко руководствуются ими в повседневной жизни. Например, родители одной моей ученицы придерживаются левых убеждений, они активные члены партии, но стремятся создать привилегии для своей дочери как в шко-

ле, так и дома. Естественно, в ее поведении отражается это противоречие. Она часто обоснованно и категорически осуждает колониализм и расизм, любит слушать мои объяснения по этому поводу, дискутирует, задает вопросы, заражает своим пламенным негодованием подруг, вовлекает их в обсуждение и вместе с тем может унижить ледяным высокомерием некоторых неловких, недостаточно модно одетых одноклассниц: они, видите ли, оскорбляют ее хороший вкус, ее исключительные светские манеры.

Иногда родители убежденно участвуют в демонстрациях против расизма, живо интересуются проблемами отсталого юга Италии и вместе с тем позволяют себе едко и презрительно говорить о переселенцах с юга, словно они в каком-то смысле ниже нас. Некоторые пренебрежительные фразы, брошенные скорее по привычке, чем со злым умыслом, могут зародить в детском уме подозрение, что есть люди, относящиеся к низшей категории, о них можно отзываться с иронией либо с презрением.

Или, скажем, рабочий, отличающийся классовым самосознанием, активный участник политических мероприятий, лишь только благосостояние позволяет ему, спешит обеспечить ребенку такую жизнь, чтобы он стал вровень с "синьорами", от которых сам гордо отмежевывается. Он тратится на дорогостоящие подарки, на запись в привилегированные спортивные клубы, запрещает сыну ходить к некоторым детям, играть с ними на улице — вдруг оказалось, что они "вульгарны". И вот в сочинениях маленьких жертв такого воспитания появляются фешенебельные курорты, великосветские рауты — разумеется, чистой воды вымысел, вполне в духе образа жизни, который сулили явно или полунамеком.

Боязнь за детей

Разумеется, нет ничего плохого в том, чтобы желать детям лучшей жизни. Я вовсе не сторонница лицемерного морализирования типа: "Довольствуйся тем, что имеешь, и не пытайся стать значительнее, чем ты есть". Сущность моего утверждения иная: "Да, пытайся улучшить условия своей жизни; да, предоставь своим детям все возможности, чтобы им жилось лучше, чем тебе, но не стремись вырастить из них выскочек, которые стыдятся принадлежности к определенному социальному классу, стесняются своего происхождения, стараются забыть его сами и не напоминать о нем окружающим, уклоняются от борьбы, становясь либо потерянными людьми, либо, еще хуже, орудием того общества, против которого мы всю жизнь боролись". Такое наблюдается слишком часто и в достаточно широком диапазоне, поэтому необходимо бить тревогу — в этом заключена опасность! Наш долг — предоставить детям средства борьбы, чтобы они делали это лучше нас, более сознательно, эрудированно, авторитетно, а не подыскивать им оправдания для отказа от нашего дела.

Многие родители хотят дать детям образование, помочь подняться по социальной лестнице и считают, что они тем больше будут преуспевать в учебе и карьере, чем меньше будут думать о своем происхождении, и что их будут меньше "преследовать", если политическая и социальная позиция семьи окажется затенена. В других семьях боятся, что дети, воспитанные иначе, чем их сверстники, пострадают от изоляции.

Несмотря на объективные и субъективные трудности, необходимо побороть боязнь, которая заставляет нас молчать. Иначе наше примиренчество неизбежно отзовется на них, они почув-

ствуют в семье разногласие и фальшь. Наше смущение может передаться им, а то и породить робость, вот тогда они и в самом деле почувствуют себя не такими, как все, и будут инстинктивно держаться в стороне.

В СЕМЬЕ

Непоколебимые принципы

К некоторым принципам мы обязаны привлечь внимание ребенка с самого раннего детства, формировать его интеллект и характер в строго определенном русле: "Не убивай! Будь солидарен с ближним! Люди и народы равноправны! Свобода для всех! Нет — войне! Нет — расизму! Нет — фашизму!"

Не нужно много говорить об этом, а то дети перестанут внимательно слушать. Но необходимо помнить, что принципы прививают главным образом личным примером, и шаг за шагом с большой убежденностью и настойчивостью добиваться, чтобы эти принципы стали их второй натурой, не терять терпения, если дети воспринимают их с трудом: ведь они живут в обстановке, где принципы — редкость, ходят в школу, где эти принципы частенько вообще игнорируют.

Мне вспоминается один случай, который произошел много лет назад, в самом начале войны. Я тогда зарабатывала частными уроками. Однажды моя ученица-подросток предстала передо мной в форме фашистской молодежи — после уроков она собиралась на сбор. Пока мы занимались, пришла с работы ее мать.

— Это что за маскарад? — возмутилась она. — Сбор сбором, а ты снимешь все это и останешься дома! Что вы думаете по этому поводу,

синьорина?

Я выразила полную солидарность с матерью.

— Видишь, иди и переодевайся, как должно!

— Мама, но сбор обязателен!

— Обязателен?! Кому ты это говоришь, мне?

Обязателен! Я — твоя мать и обязываю тебя оставаться дома, поняла?

— В школе мне потом достанется!

— А от меня тебе достанется сейчас! — Мать отвесила ей внушительную оплеуху.— Трусиха, вот ты кто!

Мы с ученицей молчали.

Разумеется, я всей душой была на стороне решительной матери. Допускаю, что метод внушения антифашистских идей оказался несколько насильственным и поэтому, может быть, недостаточно эффективным, но верно и другое: нельзя было упускать ни минуты. Вполне понятно возмущение матери, увидевшей, что дочь так легко, без малейшего сопротивления надела эту нелепую форму, чтобы идти на сбор, а ведь мать наверняка излагала ей свою точку зрения, рискуя, что беспечная девочка проболтается об этом вне дома, а мы знаем, чем это грозило.

Осуждение со стороны детей

— Я не хочу,— поделился однажды со мной приятель,— чтобы мои дети выстрадали когда-нибудь по моей вине то, что выстрадал я: голод и нужду. И поэтому соглашаюсь на работу, противоречащую моим убеждениям, все равно я их не изменю. Несмотря на все настояния матери, слезы, даже скандалы, отец никак не хотел вступать в фашистскую партию, его то и дело увольняли, и он месяцами ходил без работы...

Я выразила свою солидарность со старым,

неукротимым антифашистом.

— Нет, это слишком! — запротестовал приятель.— Семья превьше всего. Я не хочу, чтобы однажды мои дети обвинили меня в том, что я принес их в жертву бессмысленной верности идеалам.

”Семья превьше всего” — совершенно верно, но не в качестве оправдания любому компромиссу.

Напротив, именно в силу существования семьи и детей нужно быть настороженно взыскательным к себе, чтобы на нашем примере они становились настоящими людьми, сознающими необходимость самопожертвования, понимая, что верность идее имеет смысл, коль скоро служит воплощению ее в жизнь. В противном случае мы горько раскаемся, а наши дети нас безоговорочно осудят и станут либо жалеть, либо презирать. Их не смягчишь потом оправданием, что-де перед нами стоял выбор: или непримиримость и голод, или компромисс и благосостояние.

Если наш ребенок окажется снисходителен, значит, и он готов шагать по серенькой дорожке конформизма, по пути худшего из отречений и отказов от самого себя.

ШКОЛА

Значение школы

Школу критикуют, о ней спорят на собраниях, пишут в газетах, существует похвальное, но весьма абстрактное суждение о том, какой она должна быть. Многие способны говорить о ней темпераментно, вскрывая недостатки, предлагая реформы и нововведения. И тем не менее отношение к школе — ярчайший пример безразличия

родителей. Мало кто интересуется школой, где учатся дети, и среди этих немногих мало кто делает это правильно — сотрудничает с учителями.

Сотрудничество, вот что нужно! Мы столько порицаем школу, но что мы делаем для нее? Школа — самое важное общественное учреждение, которое вмещает всю жизнь человека: его детство, отрочество, потом в зрелом возрасте возвращается к нему учебной работой детей и внуков. Мы знаем, какую значительную роль играют в семье школьные занятия ребенка. Кроме того, в школе каждый осуществляет свое право на образование, обязательное по закону. И наконец, это поприще, где маленький гражданин приобретает первый опыт жизни вне семьи, разделяя с другими права и обязанности, встречает отпор своему деспотизму, получает эмоциональную зарядку, проникается духом солидарности. Это среда, где ребенок, а позднее подросток более сурово и регулярно, чем в играх, постигает необходимость подчинения определенным правилам, учится честно оценивать свои поступки, соблюдать собственное достоинство, не унижаться до того, чтобы лгать в свое оправдание, и, главное, выполнять свой долг.

Преподаватели

И все-таки к школе часто относятся как к чему-то второстепенному, не замечают ее положительных функций. И самая распространенная ошибка — это отношение к учителям. Считается необходимым знать их вкусы и привычки, чтобы "задобрить", расположить к себе. Не стоит говорить, сколь непедагогична такая точка зрения — источник псевдосолидарности родителей с детьми. Они, например, в случае прогула дают ребен-

ку оправдательную записку. А впоследствии, когда подросток подделывает отцовскую подпись в дневнике, дома разражается скандал, произносятся обличительные слова: "Фальсификатор! Позор семьи!" Между тем, если бы родители относились к словам учителя с большим вниманием, они не подали бы ребенку дурного примера, не толкнули бы его на путь обмана.

Дружественные отношения и солидарность с учителем! Слишком часто забывают, что учитель — честный труженик, разумеется не лишенный своих недостатков и слабостей. Он может быть самоуверен или неприветлив, но все равно он трудящийся и, как все, нуждается в солидарности. Но главное, за редким исключением, он привязан к нашим детям, хочет помочь им, желает им блага независимо от того, ставит ли хорошие или плохие оценки, и искренне стремится воспитать их честными людьми.

Можно добиться поразительных педагогических успехов, серьезно занимаясь школой, сотрудничая с учителями, отбросив недоверие, с которым привыкли к ним относиться и которое проявляется в безответственных негативных суждениях: "Он совсем голову потерял! Ненормальный какой-то, разве можно столько задавать?", "Все может быть, но, когда я ходила в школу, учителя сами работали!", "Несправедливость, сплошная несправедливость! Мой говорит, что он знал все, а ему — экзамены на осень, другой и рта не раскрывал, а его перевели". В редких случаях эти высказывания отражают истинное положение дел, как правило, в их основе — масса извращенных фактов.

Подрывая авторитет учителя, мы лишаем его орудия, необходимого для успешного преподавания. Какую пользу извлекут подростки из периода жизни, проведенного в постоянном не-

довольстве и бесплодном критиканстве, граничащем со злословием? Скуку и ряд оценок в аттестате, ничего больше. Их детство и отрочество окажутся бесполезно проведенными за школьной партией годами.

Уроки религии

Итальянская Конституция гласит, что все граждане равны перед законом, что обязательно 8-летнее бесплатное обучение и школа открыта для всех.

Но государственная школа работает фактически из расчета только на католиков, преподавание религии считается первостепенным делом — в любом проекте реформы оно учитывается и занимает главное место. Это — дискриминация, тем более неприемлемая, что она касается маленьких граждан. Каждый образованный человек понимает антиконституционность данной системы и ратует за школу по-настоящему гражданскую, уважающую права всех. И тем не менее в гражданской итальянской школе преобладает религиозная направленность, отчетливо проступающая не только на специальных уроках религии, но и в текстах всех учебников.

С этой парадоксальной ситуацией мы не боремся даже единственным средством, которое дозволено школьными правилами, — заявлением об освобождении от уроков религии. Такая возможность существует, поскольку курс считается факультативным. А на самом деле факультативными называются такие курсы, куда допускают только при наличии поданного заявления, например организованные в некоторых школах уроки пения, керамических поделок или дополнительного иностранного языка.

Освобождения от уроков религии просят, как правило, те, кто исповедует не католическую религию, то есть единицы. Считается, что уроки религии обязательны, а администрация школы ни о чем не предупреждает, не дает пояснений, этот вопрос предусмотрительно умалчивается: проблему обходят как второстепенную и детей посылают на уроки религии, словно это полезно и необходимо.

Многие убеждены, что преподавание религии в гражданской школе противоречит здравому смыслу, но боятся, что освобождение от этих уроков может отразиться на отношении к детям преподавателей. Понадобилось бы много усилий, чтобы убедить родителей в глубокой порядочности большинства педагогов.

Трудная борьба

Итак, взвесив все "за" и "против", родители в конце концов не подают заявления об освобождении от уроков религии. Одни из опасения, что ребенок почувствует себя "отторгнутым" и будет страдать или что не сумеет ответить на вопрос "почему" и отстоять свою позицию. У других просто не хватает мужества вести себя иначе, чем большинство. "Если бы освобожденных было побольше, — говорят они. — И почему, собственно, мой ребенок?"

"Моя дочь оказалась бы единственной освобожденной от уроков религии в селенье, — говорит мать, записывая девочку в первый класс. — Она робкая, впечатлительная, как заставишь ее вести себя иначе, чем все?"

Действительно трудно. Но трудности уменьшатся, если многие пойдут по этому пути, и приведут к настоящей борьбе, если на него станут

все. Одна моя приятельница, возглавляющая ассоциацию родителей в защиту гражданской школы, огорченно говорила: "У меня в ассоциации шестьсот убежденных сторонников гражданского воспитания, и только двое из них освободили детей от уроков религии". Такова ситуация в большом городе. Чего же ждать от глухой провинции?!

Если бы освобожденными от уроков религии оказались десятки детей... Ведь в каждом классе по крайней мере у восьми-десяти ребят отцы — наши единомышленники. Кто-то из них делает попытку договориться с другими родителями. Но те согласны с ним по множеству вопросов, кроме этого. Они либо полагают, что слишком рано создавать детям сложности, либо кто-то из членов семьи не хочет об этом и слышать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На площадях Италии

Среди организаторов демонстраций в Италии в июле 1960 года и в октябре 1962 года* среди тех, кто пал жертвой, были и юноши, готовые крикнуть в лицо фашистам "Нет!". Ребята почувствовали горький запах фашизма, сумели распознать его, ибо из разговоров с родителями усвоили, что фашизм может скрываться под тысячью личин. И что Соппротивление в горах — не по нынешним временам, теперь нужно выходить спло-

* В 1960 г. неофашистская партия готовила в Италии переворот, который был предотвращен в результате забастовок и манифестаций левых демократических сил. В 1962 г. под нажимом прогрессивной общественности правительством Италии был принят ряд реформ. — *Прим. перев.*

ченно на площади, как это сделали юноши в Генуе, Милане и других городах. Они продемонстрировали, что единство — сила и что фашизму навсегда заказан путь.

Разумеется, я не хочу, чтобы наши дети сидели в тюрьмах и умирали под пулями полицейских. Но они должны жить согласно своим принципам, бороться за них и в случае необходимости мужественно идти на риск, сопряженный с этой борьбой. Именно потому, что и мы, и они против того, чтобы молодежь убивали на площадях и бросали в тюрьмы, необходимо воспитывать из них борцов, даже если это сулит им и нам черные дни.

Мои дети, в те поры еще совсем маленькие, организовали в июле 1960 года небольшую, но рискованную манифестацию. Мы были на взморье, когда прочли в газетах о событиях тех дней. Однажды Карлотта стала настаивать, чтобы я отвела ее в город в магазин купить что-то из одежды. Тонино, Альберто, Луиза и Джанна (им тогда всем было по 12 лет, а Карлотте — 8) сказали, что тоже придут туда.

— Пойдемте с нами! — предложила я.

— Нет, мы сами погуляем, а потом встретимся.

Действительно, они нашли нас в магазине одежды, раскрасневшаяся Джанна заявила:

— Мы кое-что сотворили!

— Что же? Разбили витрину?

— Нет, мы повесили антифашистский плакат на доску объявлений ИСД*.

— А я должна была тебе рассказать, если бы они до двух не вернулись, — пояснила Карлотта.

* ИСД — Итальянское социальное движение, нефашистская партия, создана в 1946 г. — *Прим. перев.*

Я незамедлительно пошла посмотреть. Доска объявлений ИСД висела на людной улице, ребята выполнили операцию, ловко отвлекая внимание прохожих: они чихали, сморкались, роняли и поднимали носовые платки, а в это время один из них повесил на видном месте листок из тетради с текстом: "Долой фашистов из правительства, нам не нужны убийцы!"

Когда наши дети идут по городу в рядах демонстрантов, выступающих за солидарность с народом Кубы либо в защиту бастующих рабочих, мы, глядя на осунувшиеся лица подростков, видим круглые детские мордашки. И спрашиваем себя, откуда так неожиданно появился этот сосредоточенный юноша, что шагает среди своих товарищей — студентов и рабочих — воодушевленный уверенностью в своей правоте?

И тогда мы вспоминаем, что много лет назад хотели видеть именно такими наших детей — своими последователями, способными осуществить то, что нам не удалось. Мы вспоминаем малыша, которого с таким удовольствием баловали, потом мальчишку, не дававшего покоя своими шалостями, непослушного, нерадивого, сколько с ним было хлопот! Вспоминаем нашу родительскую мнительность, боязливость, стремление уберечь детей от лишних беспокойств и сложных проблем.

Любя их, мы были чрезмерно снисходительны, и вот мальчишки не дорожили домашними вещами, ломали их, писали на стенах. Признавая за собой эту вину, мы впадали в отчаяние, думали, что они растут нерадивыми и ленивыми.

"Но они же — хорошие, — твердили мы себе, — они честные. Они не способны на подлость. Они не поступят беспринципно". Мы были правы,

хорошие качества характера восторжествовали... Мы обнаруживаем теперь, что самые значительные темы ребята выслушивали внимательнее, чем мы думали, все осмысливали и впитывали, невзирая на озорство и несобранность. Тогда мы этого не замечали. Вспыльчивые, переутомленные, мы были озабочены главным образом бытовыми трудностями, порванными брюками, нехваткой какой-нибудь мелочи. Мы ругали их за то, что они залеживаются в постели, рискуя опоздать в школу, и не замечали, что, едва поднявшись с кровати, они хватались за свежие газеты, читали последние новости и в школе высказывали по этому поводу свое мнение, требуя к нему уважения; они рисковали оказаться изолированными и (чего так боятся ребята!) непопулярными.

Теперь мы видим: допущенные нами по лени и непоследовательности ошибки оказались второстепенными, в главном мы вели себя верно, не поддавались на компромиссы, подавали детям пример, который они сочли достойным подражания.

Результат достигнут. Дети росли, избыток энергии побуждал их ходить в ботинках по дивану, выбрасывать в окно посуду, теперь их вдохновляет мужество и непримиримость — то, к чему, невзирая ни на что, их приучали дома.

Именно непримиримость и мужество — это та почва, на которой из детей вырастают настоящие люди. Они идут сегодня по улицам города с транспарантами, и нам видится, что идут они по правильному, надежному пути, который мы им проложили, на нем мы встречаемся с ними и вместе забываем о допущенных ошибках.

К гармонии через противоречия

Послесловие

Итак, перед нами книжка об ошибках в воспитании. О противоречиях. В народе говорят: не ошибается тот, кто ничего не делает. И практика подтверждает: чем сильнее родители стремятся приблизиться к гармоническому воспитанию, тем больше возникает конфликтов.

Это парадокс? Нет. Истинное воспитание – всегда столкновение характеров, страстей, всегда возникновение и разрешение противоречий. Чтобы правильно их решать, необходима мудрость, нужны знания, педагогическая и даже философская культура.

Подлинный воспитатель – всегда философ. И как только перестает им быть, так оказывается во власти деятельного невежества. Ребенок живет, а не воспитывается. Чем ярче его жизнь, тем больше позитивных эмоций, тем полноценнее и здоровее воспитание. Детство – это особое психическое состояние, в котором слиты воедино чувство и разум. Эвристической склонностью души можно назвать постоянную неумную потребность действовать, открывать. Взволнованная пытливость не сдается, будто на крыльях, решения приходят мгновенно, увлечения и интересы накатываются, как волны в шторм. Удивительная концентрация энергии!

И эта энергия нередко творит беды. Достоинства, различные увлечения и потребности способны обернуться своей противоположностью, привести к дисгармонии отношений. Здесь-то и должна прийти на помощь воспитателю его подлинная союзница – мудрость. Родители должны помнить, что гармония отношений в семье не означает отсутствия проблем и бесконфликтности.

Напротив, чем ближе к идеалу, тем сложнее и тоньше мир возникающих противоречий. Ведь гармония всегда единство различного. Когда мы говорим о богатстве личности, мы неизбежно сталкиваемся и с богатством противоречий. Действительно, как совместить в одном человеке самые разные увлечения? Как предотвратить перерастание увлечения в страсть, способную заслонить ребенку многообразный мир человеческих

интересов, порывов, исканий, общения? На какой основе одна возникшая потребность должна вести к образованию другой? Как сделать, чтобы разрешение одного противоречия неизбежно выводило подростка на оптимистические рубежи, побуждало бы к самовоспитанию?

Сама по себе идеальная норма предполагает самодвижение, обусловленное ростом ребенка. В этом непрерывном движении что-то отрицается, что-то изменяется. Такие отрицания могут проходить болезненно, сопровождаться своего рода кризисами, нравственными потрясениями, страданиями.

Конечно, знание тонкостей педагогического дела должно избавлять от неоправданных коллизий, точнее, придавать им ход разумного разрешения конфликтов. Но и это не просто. Особенно если имеешь дело с подростками старшего возраста, где в любом увлечении, в любом занятии могут неожиданно высветиться и характеры детей, и их мировоззрение, и такие сложные нравственные категории, как долг, совесть, понятие счастья. А острота переживаний в старшем возрасте приобретает иные, порой более скрытые формы и обнаруживается не столь очевидно, как в младшем. Все это создает много проблем и вопросов, на которые ищут ответ родители.

Ада Делла Торре, опытный воспитатель и профессиональный педагог, раскрывая существо целой вереницы педагогических просчетов, тонко объясняет характер возникающих трудностей, показывает пути преодоления ошибок в воспитательной практике. На первое место она совершенно оправданно ставит проблемы авторитета в воспитании, любви к детям, гуманизма личности воспитателя. Читая страницы о превышении родительской власти, невольно вспоминаешь, как об авторитете писал А. С. Макаренко в "Книге для родителей": "Что такое авторитет? По этому вопросу многие путают, но вообще склонны думать, что авторитет дается от природы. А так как в семье авторитет каждому нужен, то значительная часть родителей вместо настоящего "природного" авторитета пользуется суррогатами собственного изготовления... Общее их свойство в том, что они изготовляются специально для педагогических целей. Считается, что авторитет нужен для детей, и, в зависимости от различных точек зрения на детей, изготовляются и

различные виды суррогатов”*

Поразительное сходство у всех талантливых педагогов. Читая книгу Ады Делла Торре, вспоминаешь Бенджамина Спока, который, ратуя за подлинный авторитет в воспитании, категорически отвергает педагогическую авторитарность, то есть злоупотребление педагогической властью.

Порой действия воспитателя-авторитариста внешне нелегко отличить от подлинного мастерства, гуманного в своих целях, результатах, способах их достижения. Эта трудность кроется не только в изощренности почерка и даже не в блистательной манере исполнения педагогических приемов. Трудно распознать авторитарную технологию еще и потому, что авторитарист-виртуоз все усилия направляет не на демонстрацию своей силы, а на то, чтобы скрыть ее. Там, где подлинное мастерство мучительно ищет ответа на вопрос, какое действие лучше применять, чтобы поднять человека, авторитарист решает просто и быстро. Ведь куда легче разрушить, смять, принизить. Для воспитателя-авторитариста система отношений подобна тонкой и прочной сети, которую даже не он, а сами дети набрасывают на себя. Он только руководит этим процессом самозапутывания. Если подлинный мастер все время думает над тем, чтобы система отношений способствовала развитию задатков и способностей ребят, творческих созидательных сил в детском коллективе, то авторитарист до предела сужает сферу самостоятельной деятельности, поощряя лишь ту, которая способствует бессловесному послушанию, разобщению в среде детей.

Если активность и самостоятельность развиваются с авторитарных позиций, то это ”развитие” очень скоро приведет к тому, что они или откажутся от общественной активности, или будут использовать эту активность в самых низменных целях. Авторитаризм — смертельный враг детской индивидуальности. И Ада Делла Торре решительно выступает против таких принципов воспитания.

Преодоление авторитарности — одно из главных условий научного, подлинно авторитетного воспитания. И

* Макаренко А. С. Соч., т. 4, с. 150.

здесь главное – высокая культура педагога, его способность выработать в себе четкое, не допускающее никаких отклонений, примесей, опошлений, искажений научное педагогическое мировоззрение, и в частности позицию в подходе к детской самостоятельности и своей роли как педагога в этом процессе. Суть этой позиции в том, чтобы всегда уметь различать передовые идейные и нравственные силы, питать их, делать все для их утверждения и развития.

Способность разрешить в воспитании названные автором противоречия – великое искусство. И это искусство требует и смелости, и бережности, и нежности, и подлинной заинтересованности в судьбе своего ребенка. И не только своего. Дети всегда в общении. Они соприкасаются с другими детьми своими убеждениями, своей нравственностью.

Мудрый родитель поощряет детское общение, стремится разумно влиять на развитие нравственных установок детей. И здесь возникают свои противоречия.

С одной стороны, воспитатель не должен навязывать своих убеждений, ибо это насилие над умом воспитанника. С другой стороны, нельзя развивать душу ребенка, не внося в нее никаких убеждений. Отрицание авторитета нравственных требований, норм морали может сформировать полных скептиков, уверенных в невозможности убеждений.

Практическая педагогика всегда ставит воспитателя перед конкретным фактом оценки поступков, ситуаций, нравственности детей и взрослых, вообще различных явлений и точек зрения.

Если сложились такие взаимоотношения между детьми, которые порождают ложь, насилие, безнравственность, то воспитатель безотлагательно должен действовать, используя всю энергию, весь свой запас знаний, убеждений, гражданской страсти, все самое дорогое, что присуще ему как творческой личности, для нравственного влияния, для утверждения справедливости и подлинного гуманизма. Без силы, способной противостоять безнравственности, без авторитета, способного объявить войну любым проявлениям авторитарности, не может быть ни подлинного воспитателя, ни педагогического мастерства.

Нет подлинной доброты, смирившейся со злом. Только действенный, а не пассивно-созерцательный гуманизм зовет преобразовывать обстоятельства, выступает в защиту человека, живет тревогами народных страданий и готовностью помочь людям.

Ада Делла Торре – прогрессивный педагог. Она не замыкает воспитание детей рамками семьи, интересуется их социальной позицией, решительно выступает против эксплуатации, колониализма, социального неравенства и политического конформизма.

Автор понимает, какие трудности поджидают истинного воспитателя детей в буржуазном обществе, и однозначно расшифровывает свою гражданскую позицию: защищать правду и справедливость, чего бы это ни стоило. Она призывает к разрешению противоречий даже тогда, когда они, казалось бы, неразрешимы. Вот как она об этом пишет. "Разумеется, я не хочу, чтобы наши дети сидели в тюрьмах и умирали под пулями полицейских. Но они должны жить согласно своим принципам, бороться за них и в случае необходимости мужественно идти на риск, сопряженный с этой борьбой. Именно потому, что и мы, и они против того, чтобы молодежь убивали на площадях и бросали в тюрьмы, необходимо воспитывать из них борцов, даже если это сулит им и нам черные дни".

Ее идеал – труженик, хороший семьянин и честный гражданин своей страны. И путь к идеалу сложен. Через противоречия. Через преодоление трудностей. В известном смысле ее воспитание, как и педагогику А. С. Макаренко можно назвать педагогией борьбы и преодоления трудностей.

Ада Делла Торре, подобно многим прогрессивным педагогам Запада, раздумывая об идеале современного воспитания, на первый план ставит воспитание гражданственности и человечности, труд и единение всех прогрессивных сил мира. И именно с этих гражданских позиций дает родителям советы о том, как растить детей, как исправлять педагогические ошибки, как разрешать возникающие противоречия.

Ю. Азаров,
доктор педагогических наук

Торре Делла А.

Ошибки родителей

ИБ № 19712

Фотоофсет. Подписано в печать 23.12.92.

Формат 70 × 100¹/32. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,48. Усл. кр.-отг. 5,8.

Уч.-изд.л. 4,47. Тираж 50 000 экз. С 033

Заказ 61

А/О Издательская группа «Прогресс».

119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано в Московской типографии № 4

Министерства печати и информации Российской Федерации.

129041, Москва, Б. Переяславская ул., 46